Кирилл Сирутис

Тени, что шепчут имена

Кирилл Сирутис

Тени, что шепчут имена. Книга первая

«Автор»
2026

Сирутис К.

Тени, что шепчут имена. Книга первая / К. Сирутис — «Автор», 2026

Год назад умерло солнце — не вспыхнуло и не погасло в бою. Просто утро, которое не наступило. Королевство доживает под ночью, Церковь торгует надеждой вместо хлеба, а на севере море вздыхает вспышками света, на которые нельзя смотреть.Крестоносец без имени получает приказ — ехать в Тенебрис, город, который давно напоминает могилу. Его путь пересечётся с разбойником, что пишет письма сестре в сапог, с весталкой, чья мана не безгранична, с эльфийкой, которая учится записывать имена, — и с колыбельной, которую все считали детской песней. «Спи, глаз, до утра не гляди» — это не про сон. Это про то, что нельзя будить.Тёмное фэнтези о счёте: о людях, которые научились считать вздохи моря, — и о глазе под водою, которому впервые за год назвали имя.

© Сирутис К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Мертвое солнце 5
Глава 2. Разбойник 8
Глава 3. Встреча в таверне 12
Глава 4. Костлявая напасть 19
Глава 5. Сырое подземелье 25
Глава 6. Пятая 36
Глава 7. Лес без птиц 41
Глава 8. Некромор 47
Глава 9. Святая вода 52
Глава 10. Приказ Церкви 58
Глава 11. Король мертвецов 63
Глава 12. Слова в темноте 69
Глава 13. Праздник 74
Глава 14. Танец в красном 80
Конец ознакомительного фрагмента. 81

Кирилл Сирутис
Тени, что шепчут имена. Книга первая

Глава 1. Мертвое солнце

Когда солнце умерло, никто не услышал его последнего вздоха. Однажды над королевством Морнграйм нависла ночь, которая больше не желала уходить. Небо затянуло тяжелыми черными тучами, словно сама бездна поднялась над миром. Леса сгнили за считаные недели, реки стали густыми, как кровь, а по дорогам начали бродить создания, которых прежде знали лишь по запретным церковным свиткам. Люди называли это просто — Катастрофой. Из разломов земли выползали чудовища с десятками глаз, безликие твари из черного тумана, иссохшие великаны и мерзкие создания, чьи голоса сводили человека с ума. Деревни исчезали одна за другой. Города закрывали ворота, но даже самые толстые стены не могли остановить тьму. Королевство умирало.

Старики рассказывали, что в тот день солнце зашло — и не взошло. Ни крика, ни вспышки. Просто утро, которое не наступило.

С той ночи минул год — год, после которого никто не спрашивал, вернётся ли солнце. Свет помнили все, кто был старше пяти, но память тускнела с каждым месяцем: уже путали, куда он падал по вечерам, и спорили, какого цвета было утро.

В первый день соседи ещё стучались друг к другу и спрашивали одно и то же: «А у вас? У вас тоже?» — как будто в соседнем доме мог светиться другой ответ.

На третий день вопрос стал не нужен. На седьмой начал счёт голод.

К исходу месяца церкви переполнились людьми, что не молились никогда. Священники не гнали никого: место у алтаря брали мукой и водой, ночевали между скамьями. Впервые за много лет храмы были полны. И впервые за много лет в них просили не о душе — о хлебе.

Церковь ещё не понимала, что станет властью. Но она уже понимала, что она — хлеб.

Последние, кто видел солнце, унесли его цвет с собой. Дети больше не помнили утро как факт — только как рассказ. Матери описывали солнце чужими словами, и с каждым поколением рассказ тускнел, как фреска на морозе.

Мастера резали солнце из дерева — такие солнышки висели в каждом третьем доме. Их не продавали. Их дарили: на рождение, на свадьбу, на память об уходящих. Так свет пережил небо — в веществе, которое тьме было не съесть.

Дальше — глубже. В закрытых шкафах главного собора, куда допускаются только высшие братья, хранятся списки старше пророчества. Прочесть их нельзя: язык давно мёртв, а ключ живёт не у того, кто держит замок. Но переписчики знают: в тех свитках стоит имя, которого нет ни в одной проповеди.

Сольвейг-Эйрин. Та, что смотрела. Старые книги говорят о ней как об одном — и двух сразу: богине, чьим глазом было солнце. Когда бог умирает, Церковь не объявляет об этом. Церковь переписывает: пустой трон занимает имя, у которого нет лица. Так Господь получил свой трон — не победив, а оставшись без свидетельств.

В тех же шкафах лежит Реестр платы. Его страницы переписывают каждые десять лет — рука человека, знающего, что почерк стареет вместе с рукой. В реестре не молитвы: списки того, что забирают демоны по грехам. Простолюдинам о демонах не рассказывают ничего. Для них голод и хворь — воля Господня, и этой воли им хватает с запасом. Вера не знает того, чего не способна перенести.

Ещё дальше — лет четыреста назад — горела война рас. Люди рубили и порабощали всё, что не было похоже на них: народы гор, лесные племена, редкие народы с речами и долгими

веками. Кого не убили — тех продавали. Осталось так мало особей, что имена их народов теперь помнят только церковные книги.

Города меняли имена быстрее, чем люди меняли привычки. Старые названия уходили вместе с теми, кто их носил, а новые прилипали к стенам, как копоть.

Тенебрис звался когда-то иначе. «Сумрак» — так переводили старое имя со старого языка. Слово оказалось приговором, который сам себя исполнил. Город стал тем, что о нём сказали.

Задолго до Катастрофы мир уже горел. Страна магов первой начала гонку вооружений — и остальные королевства, спасаясь, потянулись за ней. Война съела людей и хлеб; вернулся голод, и по дорогам потянулись те, кому нечего было терять.

Теократия несла веру мечом туда, где её не просили, и континент раскололся окончательно.

Права особям вернул нынешний король — в начале срока, когда вместе с Церковью одолел чуму. Тогда же он отдал всех особей под её крыло: под защиту, под опеку и под учёт. Многие так и не вышли из подполья: там, на чёрном рынке, особь без бумаг — товар, и торг ею жив.

Король Эдрик начал борьбу за власть с Церковью — и, пожалуй, проиграл бы её, если бы не Катастрофа. Церковь росла на его потерях: чем больше умирало королевских солдат, тем громче звучали проповеди о милости Господней. Орден воевал на той же войне и терял людей сотнями. Но у мёртвых солдат не было проповедников.

Его жену не убили ни чудовища, ни голод. Её убили в придворных интригах — в одной из тех политических войн, которые он не смог остановить. После её смерти король заперся во тьме дворца. Теперь он боялся одного: что дочери повторят её судьбу.

А потом умерло солнце. Король впал в панику — и Церковь этого ждала. Она взяла недовольство граждан в свои руки, повела людей к стенам и послала отряды Ордена против тварей, которых не умел убивать никто другой. Королевские солдаты умирали на стенах и голодали. А Орден процветал.

А вместе с силой Церковь дала людям то, чего не могла дать корона, — надежду. В её древних свитках хранилось пророчество: солнце вернётся, когда народ очистится от греха. Священники повторяли его у костров, на площадях и на похоронах, и толпы верили — потому что верить в рассвет было легче, чем жить в ночи. Так у Церкви оказалось главное оружие власти: обещание, которое никто не мог проверить.

На месте пекарен росли храмы. Молитву не надо было печь, и она была бесплатной — в стране, где хлеб стал выше серебра, это решило всё. К алтарю шли за тем же, за чем шли к пекарне: за тем, чтобы дожить до завтра. Только пекарня брала деньги, а Церковь брала веру.

Так Церковь стала главным землевладельцем королевства — прежде, чем кто-то успел это заметить. Король ещё сидел на троне. Но хлеб уже сменил хозяина.

Высокий каменный трон занимал король Эдрик IV. Когда-то он верил, что сумеет изменить королевство к лучшему, — теперь от той веры осталось одно высокомерие. Его лицо не выражало ни страха, ни сострадания.

Борода у него отросла с проседью, а глаза были отёкшие от бессонных ночей. Руки с тонкими пальцами, которые когда-то подписывали реформы, теперь лежали на подлокотнике неподвижно — как вещи, забытые чужим человеком.

Перед ним стоял рыцарь в тяжелых латах. Его лицо скрывал глухой стальной шлем, который он никогда не снимал при посторонних. На нагруднике сиял большой серебряный крест — символ вечного служения Святой Церкви. Его имя давно забыли. Все называли его просто Крестоносцем.

Когда король говорил с рыцарем, то смотрел не на него, а мимо — на советников. Так смотрят не на человека, а на вещь, которую Церковь одолжила короне.

— Значит...

— холодно произнес король, лениво постукивая пальцами по подлокотнику трона. — Церковь утверждает, что только ты способен исполнить это поручение.

Крестоносец молчал.

— Южные провинции потеряны. Север окружен чудовищами.

Король презрительно усмехнулся.

— А Тенебрис…

— Этот город уже давно напоминает могилу.

Несколько советников нервно переглянулись.

— Именно туда ты и отправишься.

— Пока я жив, у моих дочерей есть одно занятие — ненавидеть друг друга, — король снова усмехнулся. — Ровена уже собрала купцов, дворян и часть военных. Серафима продалась Церкви — а за Церковью стоит теократия. А младшая...

Он замолчал. Пальцы перестали стучать по подлокотнику.

— Лисандра. — Он произнёс имя так, будто оно застряло в горле. — Незаконнорожденная. Её мать убили в интригах — ту самую войну, которую я не смог остановить. А девчонка вся в меня, каким я был в её годы: уверена, что стоит выжечь гнилую власть, выгнать министров — и всё исправится. За ней идут простолюдины. И часть солдат.

— И она не молчит. Раз в месяц по Тенебрису и столице расходятся письма её руки: министры воруют. Мачеха продается послам. Король слеп. Каждое слово рассчитано, каждое имя названо вслух. Я запрещал ей. Советники требовали казни.

Он смотрел мимо Крестоносца — куда-то в темноту за окнами зала.

— Я не казнил. Не потому что прощаю. А потому что каждое её письмо читают вслух на площадях — и толпа аплодирует.

Он усмехнулся — но на этот раз криво.

— Знаешь, что самое смешное? Она говорит моими словами. Теми, что я говорил до того, как понял: королевство нельзя починить. Его можно только удержать.

Он постучал пальцами по подлокотнику трона.

— Пока они ненавидят друг друга, трон в безопасности. Как только перестанут... Впрочем. Это уже не моя забота.

Крестоносец медленно опустился на одно колено.

— Если такова воля Господа… я исполню ее.

Король закатил глаза.

— Конечно.

— Ты ведь скорее послушаешь своего Бога, чем собственного короля.

Рыцарь не ответил. Ему было безразлично человеческое высокомерие. Пока существует зло — его долг уничтожать его.

Глава 2. Разбойник

Крестоносец поднялся с колена и, не произнеся больше ни слова, развернулся и ушел. Тяжелые двери тронного зала с глухим стоном закрылись за его спиной. Советники облегченно выдохнули, словно вместе с рыцарем из зала ушло нечто куда более страшное, чем сами чудовища за стенами замка. Коридоры дворца были почти пусты. Слуги опускали головы, завидев серебряный крест на его груди, а стражники молча расступались. Никто не осмеливался заговорить с человеком, которого сама Церковь отправляла туда, откуда никто не возвращался. Но Крестоносец не направился к конюшням. Его путь лежал в главный собор Морнграйма. Высокие шпили церкви терялись во мраке вечной ночи. Сквозь витражи пробивался слабый золотистый свет сотен свечей — один из последних огоньков надежды в умирающем королевстве. Внутри царила тишина. Несколько священников читали молитвы над ранеными, женщины стояли перед алтарем со слезами на глазах, а дети сжимали деревянные крестики. Крестоносец медленно подошел к огромному распятию. Он снял с пояса меч и опустился на колени. Долгое время он не двигался. Никто не слышал его слов. Лишь тихое потрескивание свечей нарушало тишину. Когда молитва закончилась, старый архиепископ подошел к нему.

Старик был сух, как пергамент, и держался так же плотно, как его слова. Длинные пальцы переписчика, привыкшие к перу, и глаза, которые не смотрели на собеседника — они его читали.

Над алтарём висела потемневшая фреска — солнце над полем колосьев. О ней напоминали на каждой проповеди: солнце вернётся, когда народ очистится от греха.

— Ты знаешь, что можешь не вернуться.

Крестоносец поднялся.

— Каждый мой поход может стать последним.

Старик печально кивнул.

— Да хранит тебя Господь.

Рыцарь лишь слегка склонил голову и покинул храм. У западных ворот уже ожидала небольшая военная повозка. Две крепкие лошади нетерпеливо били копытами по каменной мостовой.

Возница поправлял поводья, а рядом стояли двое королевских солдат. Но внутри повозки уже сидел человек. Он был одет в потертую кожаную куртку, поверх которой лежал длинный плащ, сшитый из волчьих шкур. На поясе висели кремневый пистолет и длинный кинжал. За плечами болтался потертый дорожный мешок. Мужчина лениво улыбнулся.

Волосы у него были каштановые, растрёпанные ветром трактов, а над левой бровью тянулся шрам — первая взятка дороги. Улыбка появлялась на полсекунды раньше, чем он решал, стоит ли улыбаться.

— Значит, это ты тот самый церковный рыцарь?

Крестоносец ничего не ответил. Он лишь забрался в повозку и сел напротив. Незнакомец усмехнулся.

— Ха. Немногословный.

Один из солдат вздохнул.

— Его зовут Роран. Бывший разбойник.

Король временно даровал ему помилование. За головы чудовищ платят хорошие деньги, а таких стрелков сейчас немного. При слове «разбойник» взгляд Крестоносца стал холоднее. Для него преступник оставался преступником. Даже если тот решил сражаться против тьмы. Роран заметил этот взгляд.

— Не переживай, святой воин. Кошелек я у тебя не украду.

Ответом снова стало молчание. Повозка тронулась.

Дорога проходила через погибшие поля. Сухие деревья тянули к небу почерневшие ветви, а над землей стелился густой серый туман.

Несколько минут они ехали в полной тишине. Первым ее нарушил Роран.

— Так откуда ты?

Молчание.

— Семья есть?

Никакого ответа.

— Хотя бы имя скажешь?

Крестоносец смотрел вперед.

— Оно не имеет значения.

— О, заговорил.

Роран усмехнулся.

— Значит, имя все-таки есть.

Молчание.

— Ты всегда такой угрюмый?

* * *

— Любишь молиться?

* * *

— Хоть раз улыбался?

Крестоносец повернул голову.

— Ты задаешь слишком много вопросов.

— Любопытство, моя дурная привычка.

— Избавься от нее.

Роран только пожал плечами.

— Хотя вот ответь, святой, — Роран кивнул на небо. — Отчего солнце сдохло? Только не про грехи заводи: про грехи я слыхал сто раз, и от попов, и от тех, кто любого попа хуже.

— Солнце вернётся, когда народ очистится от греха.

— «Вернётся, вернётся», — Роран отмахнулся. — Только это не ответ, святой. Это проповедь. Я спросил: отчего?

Молчание.

— Пути Господа неисповедимы.

— Ага, пути, — Роран откинулся на борт. — Запомни, святой: когда церковник заводит про «пути», значит, либо не знает сам, либо знает — да не может сказать.

— Скучно же ехать.

— А у меня семья есть. На всякий случай, святой.

Крестоносец не повернул головы.

— Сестрёнка, Лика. Рыжая. И бабка при ней — старая, но живучая. Деревня наша на юге, за последней заставой. Обозом до столицы — неделя.

— Южные провинции потеряны.

— Не все. Наша пока держится.

— Лика дерево режет. Солнышки вырезает — деревянные, с лучами, на ярмарку носит. Бабка ворчит: небо мёртвое, кому твои солнышки. А Лика режет. Говорит: вернётся солнце — мы первые его встретим.

— Когда отработаю помилование, вернусь к ним. Не с пустыми руками.

Крестоносец не спрашивал. Роран рассказал бы и так.

— А стал я разбойником не по злобе. Лике тогда было шесть. Бабка в тот год слегла — не померла, но встать уже не могла. Я рыбачил. Река к тому времени сделалась тёмной и густой: сеть не тянет, рыба не идёт. Что выручал на ярмарке — на хлеб и на бабкины травы. Зимой съели последний мешок.

— На юге тогда голодал каждый второй. Я пошёл на тракт. Сначала воровал. Потом грабил. Так и дожил до помилования.

— И обещал ей вернуться, пока солнце не взойдёт. Лика свет помнит — но уже не верит в рассвет. А я верю. Хочу, чтобы первый был дома.

Крестоносец промолчал.

Повозка продолжила путь.

За Ликой дорога пошла через мёртвые деревни. Избы стояли с вынесенными дверями: кто уходил — забирал их с собой, на дрова или на гробы. На колодце висел ржавый замок, но самой крышки не было.

У околицы одного села на столбе ещё держалось грифельное солнце — вырезанное, с кривыми лучами. Роран смотрел на него, пока столб не скрылся за поворотом.

— Тьма убивает быстро, — сказал он ровно. — Голод — медленно. Быстрых хотя бы не надо хоронить по отдельности.

Под вечер на границе фонарного света появилась тварь. Она не подходила — стояла и смотрела, шевеля тем, что раньше было челюстью.

— Чего она не подступается? — тихо спросил Роран.

— Потому что не успеет.

Роран больше не спрашивал. Он понял то, что в Тенебрисе понял бы каждый: Церковь везёт не человека. Оружие, которое держат на расстоянии вытянутой руки. Даже свои.

Но спустя несколько часов лошади внезапно заржали. Из кустов раздался свист.

Стрела вонзилась в деревянный борт.

— Засада! — крикнул возница.

На дорогу выскочили вооруженные люди в грязных плащах.

Возница дернул поводья, пытаясь развернуть повозку. Вторая стрела догнала его раньше.

Бандиты. Их было около десяти.

— Деньги! Оружие! — заорал главарь. — И тогда, может быть, останетесь живы!

Крестоносец поднялся. Его меч с металлическим лязгом вышел из ножен. Роран лишь усмехнулся.

— Ну вот, хоть какое-то веселье.

Он мгновенно выхватил кремневый пистолет. Выстрел. Грохот раскатился по дороге. Первый разбойник рухнул на землю, схватившись за грудь. Не теряя времени, Роран отбросил разряженный пистолет за пояс и выхватил кинжал. Тем временем Крестоносец уже оказался среди врагов. Первый удар разрубил меч противника вместе с рукой. Второй — отбросил другого бандита в дорожную канаву. Главарь попытался ударить рыцаря топором, но Крестоносец легко отбил удар и одним точным движением выбил оружие из его рук. Роран тем временем ловко уклонялся от выпадов, пользуясь скоростью. Его кинжал несколько раз сверкнул в темноте, и двое нападавших упали на землю.

Один из бандитов зашел рыцарю со спины, замахнувшись топором. Выстрел Рорана сшиб его раньше, чем опустилось лезвие. Крестоносец не обернулся. Но следующий удар нанес уже с расчетом на стрелка за своей спиной.

Увидев, как их товарищи погибают один за другим, оставшиеся бандиты дрогнули.

— Назад! Назад!

Они бросились в лес. Крестоносец не стал их преследовать. Он убрал меч в ножны. Роран поднял с земли свой пистолет и усмехнулся.

— Неплохо дерешься, церковник.

Ответа не последовало. Но впервые Роран заметил, что рыцарь хотя бы не смотрит на него с таким явным презрением.

Крестоносец задержал на нем взгляд на секунду дольше обычного. Для Рорана этого было достаточно.

Повозка оказалась повреждена. Одно колесо было расколото, а возница лежал там, где упал, с вожжами в мертвых руках.

Оставшиеся солдаты решили вернуться в столицу с телом товарища. Приказа идти в Тенебрис у них не было, как и целой повозки. Зато оставался долг: донести королю о засаде в дне пути от столицы — и доставить тело домой.

До Тенебриса оставалось около дня пути. Крестоносец закинул дорожный мешок за спину. Роран поправил волчий плащ.

— Значит, дальше пешком.

Рыцарь коротко кивнул. Они двинулись по старой дороге.

По обочинам попадались беглецы — целыми семьями, с узлами и детьми на руках. Завидев доспехи, они уходили с дороги, в туман. Крестоносец не задерживал их и не жаловал. Люди были для него как погода: явление, которое нужно принять, а не обсуждать.

Он шёл ровно, как механизм. Не из осторожности. Он просто не умел иначе.

— Ты хоть слышал, как этот город смеётся?

— Нет.

— А он умел. Давно.

К вечеру впереди показались полуразрушенные стены Тенебриса. Город выглядел так, словно умер много лет назад.

Большинство домов стояли с выбитыми окнами, улицы были почти пустыми, а ветер гонял по мостовой обрывки ткани и пепел. Лишь изредка где-то вдали слышались приглушенные человеческие голоса.

Крестоносец оглядывал улицы. В редких окнах дрожал тусклый свет — люди берегли свечи. На площади догорал костер, вокруг которого грелись те, кому больше некуда было идти. Город жил, как раненый зверь: еще дышал, но уже не вставал.

Возле городских ворот их встретил уставший стражник.

— Вы прибыли по приказу короля?

Крестоносец показал церковную печать. Стражник кивнул.

За спиной стражника, под навесом, дремала вторая смена. На пеньке у входа лежала просаленная книга учёта: каждого входящего записывали, каждого ушедшего за стену — обводили кружком, чтобы к утру знать, кого ждать, а кого поминать.

— Тогда сначала идите в таверну «Последний Приют». Там сейчас собирают всех прибывающих охотников и ведут учет. После отметки получите дальнейшие распоряжения.

Глава 3. Встреча в таверне

Крестоносец и Роран направились по пустынной улице. Вскоре они увидели таверну. Когда-то это было добротное двухэтажное здание, но теперь крыша местами обвалилась, вывеска висела на одной цепи, окна были заколочены неровными досками, а стены покрывали глубокие трещины. Даже отсюда было слышно, как внутри скрипят старые балки. Роран тихо присвистнул.

— Если это лучшее место в городе… страшно представить худшее.

Крестоносец молча открыл тяжелую дверь. Из темного зала пахнуло дымом, сыростью и дешевым элем. Именно здесь начиналось их настоящее испытание.

Внутри таверны было людно. За столами сидели наемники, охотники, солдаты, паломники и те, кто пришел сюда лишь потому, что больше идти было некуда. Кто-то пил, кто-то перевязывал свежие раны, а кто-то с пустым взглядом смотрел в кружку, словно уже смирился со своей скорой смертью. Крестоносец направился прямо к деревянной стойке. Роран, не желая отставать, пошел следом. За стойкой стояла молодая девушка с длинными рыжими волосами, заплетенными в косу. Несмотря на усталость, она сохраняла приветливую улыбку, хотя темные круги под глазами выдавали бессонные ночи. Перед ней лежала толстая книга, куда заносили имена всех прибывших.

— Новые охотники? — спросила она.

Крестоносец положил на стойку церковную печать. Роран достал королевский документ. Девушка быстро просмотрела бумаги и вернула документы.

За отметку в книге полагалась плата — не серебром, а свечами: горсть огарков, ком стеарина. С вечной ночью свет стал дороже металла.

— Крестоносец... Роран... Добро пожаловать в Тенебрис.

Она открыла книгу и аккуратно записала их прибытие.

Пока девушка листала книгу, Роран оглядел зал.

В дальнем углу, за опрокинутым стулом, дремал старик в истрепанном дорожном плаще. Пустая кружка валялась у него под ногами.

— Медные... — вдруг пробормотал старик, не открывая глаз. — Медные лица... за болотом... они слышат, как кровь стучит...

— Дед, ты не там напился, — хмыкнул Роран.

Старик не отреагировал. Только пальцы, висевшие над кружкой, сжались, словно он держал оружие.

Девушка проследила за его взглядом и тихо вздохнула.

— Не обращайте внимания. Старый охотник. Говорит, тринадцать лет бродил за болотом. Вернулся один и с тех пор пьет.

— Это еще одна причина не выходить за стены без надобности.

— Сразу введу вас в курс дела. Днем здесь относительно спокойно, но с наступлением ночи… — девушка невольно усмехнулась. — Хотя какая теперь разница. Здесь ночь никогда не заканчивается.

Она вздохнула.

— Жители почти не выходят из домов. Монстры появляются неожиданно, утаскивают людей прямо с улиц. Иногда находят только кровь. Иногда — вообще ничего.

— Люди тут вообще ходят? — спросил Роран.

Она перевернула страницу книги.

— Из-за вечной ночи поля почти перестали давать урожай. Еды становится все меньше. Многие уже голодают.

Ее голос стал тише.

— А некоторые... просто сходят с ума.

— С ума сходят? — переспросил Роран. — Серьезно?

— Неделями сидят в темноте, начинают слышать голоса. Потом либо исчезают, либо сами идут навстречу чудовищам. Неделю назад пропал пекарь с Восточной улицы — вышел со свечой в руке и улыбкой. Больше его не видели.

Роран открыл было рот — и передумал.

На несколько секунд повисло молчание.

Крестоносец медленно оглядел зал. Теперь он внимательно рассматривал людей. Некоторые носили еще чистые доспехи и новую одежду. Они громко разговаривали, смеялись и были уверены в собственных силах. Новички.

Другие выглядели совсем иначе. Их броня была покрыта царапинами и ржавчиной, одежда — пропитана кровью и грязью, лица осунулись, а глаза стали пустыми и уставшими. Такие люди уже давно жили в Тенебрисе. Они больше не смеялись. Они лишь ждали очередного задания. Девушка закрыла книгу.

— Для вас уже есть распоряжение.

Она посмотрела сначала на Крестоносца, затем на Рорана.

— Вы будете работать в одной команде.

Роран усмехнулся.

— Значит, теперь он от меня никуда не денется.

Крестоносец промолчал.

— Но вас должно быть четверо, — продолжила девушка.

— Четвертый участник уже в пути. Пока можете познакомиться с тем, кто уже назначен в ваш отряд.

Она указала в дальний угол таверны. За одним из столов сидела молодая женщина в бело-золотом одеянии весталки. Ее когда-то золотистые волосы заметно выцвели, словно сама вечная ночь лишила их прежнего блеска. Рядом на столе лежали тяжелая булава и толстая книга с молитвами. Перед ней стояла почти пустая кружка. Она выглядела настолько уставшей, будто не спала несколько суток. Роран невольно задержал на ней взгляд. «Когда-то она была красивой, но усталость стерла то, что было красотой», — промелькнуло у него в голове. Крестоносец направился к ее столу. Роран последовал за ним. Женщина подняла голову.

Глаза у неё запоминали лица так, как другие запоминают имена, а руки были в мелких шрамах — почерк лекаря, который учился быстрее, чем успевал осторожничать.

— Значит, вы мои новые товарищи?

— Похоже на то, — ответил Роран, присаживаясь напротив.

— Меня зовут Роран.

Он слегка улыбнулся.

— А это наш молчаливый Крестоносец.

Рыцарь лишь коротко кивнул.

— Меня зовут Элиана, — спокойно произнесла весталка.

— Я родилась здесь, в Тенебрисе.

Она провела рукой по кружке.

— Когда-то этот город был прекрасным. Сейчас я почти не узнаю его.

Роран сочувственно кивнул.

— А я из небольшого прибрежного городка на западе. Рыбачил... потом жизнь пошла не туда, пришлось стать разбойником. Теперь вот охочусь на чудовищ. Наверное, это честнее, чем грабить людей.

— На западе море — это рыбная ловля и нищие деревни, — Роран усмехнулся. — А вот на востоке, так говорили моряки, еще когда я был мальчишкой, солнце встает. За ним торговые города, богачи и корабли, которые тьмы не боятся.

— Теперь корабли не ходят, — пожал плечами Элиана. — Торговые пути умерли вместе с солнцем.

Элиана едва заметно улыбнулась. После этого оба посмотрели на Крестоносца. Он молчал. Прошло несколько секунд.

— А ты? — спросила Элиана.

Крестоносец не ответил. Его прошлое принадлежало только ему. Он не доверял этим людям. Они были лишь временными спутниками. В глубине души он уже был уверен, что рано или поздно они погибнут в бою, как погибали многие до них. Привязываться к тем, кого скоро заберет тьма, не было никакого смысла. Поэтому он лишь спокойно произнес:

— Мое прошлое не имеет значения.

После этих слов разговор оборвался. Неловкое молчание затянулось.

Роран почесал затылок и поднялся из-за стола.

— Ладно... если никто не собирается разговаривать, тогда хотя бы выпьем.

Не дожидаясь ответа, он направился к стойке. Через несколько минут разбойник вернулся с тремя кружками свежего эля и поставил их на стол.

Элиана с благодарностью улыбнулась.

— Спасибо.

Крестоносец же лишь перевел взгляд с кружек на Рорана. Даже сквозь прорезь шлема было понятно, что вопрос был обращен именно к нему. Роран усмехнулся.

— Что? Откуда деньги?

Крестоносец продолжал смотреть на него.

— Да успел стащить пару кошельков у тех бандитов, что напали на нас по дороге. Им они уже все равно без надобности.

Он пожал плечами.

— Не пропадать же добру.

Крестоносец ничего не ответил. Лишь перевел взгляд на кружку. Элиана осторожно сделала первый глоток. Роран последовал ее примеру.

— Неплохой эль, — довольно сказал он.

— Для города на краю гибели даже слишком неплохой.

Он попытался разрядить обстановку.

— Представляете лица тех бандитов, если бы узнали, что сами оплатили нам выпивку?

Элиана усмехнулась.

— У тебя довольно странное чувство юмора.

— Зато работает.

Он продолжал отпускать шутки, а потом рассказал историю про свою первую лодку. Отец построил ее сам — гордость всей гавани, до первого шторма.

— Шторм отъел корму так чисто, будто ее кто-то подал на десерт, — рассказывал Роран. — Мы потом всю осень плавали на корыте, которое и корытом назвать было страшно. Но историю я рассказываю получше, чем она была на самом деле.

Элиана рассмеялась. И вдруг поймала себя на том, что улыбается — впервые за месяц.

— А ты? — Роран отставил пустую кружку и повернулся к Элиане. — Весталка — это как? Чудеса творишь?

— Молитвы. — Она коснулась книги на поясе. — Свет Господа исцеляет раны и жжёт нечисть. Но у всего есть цена.

— Какая?

— Мана. — Она произнесла слово буднично, как говорят о деньгах. — Сила, что живёт в каждом из нас. Запас, как вода в колодце. Молитва черпает из него; когда колодец пуст — не поможет и самая верная молитва. Тогда только ждать: мана возвращается со сном и с покоем.

— Стало быть, в бою ты не неисчерпаемая.

— Никто не неисчерпаем, Роран.

— А маги бывают? — не унимался он. — Живые, настоящие? Без всяких молитв?

— Редки. — Элиана посмотрела в кружку. — Заклинания. Слова, что берут ту же ману — только не через молитву. Старые книги говорят: источник один, что молитва, что колдовство. Но Церковь учит иначе: молитва чиста, а за заклинание мир берёт свой долг. Кому верить — не знаю. Мне книг не давали.

— За такие речи в столице бьют, — заметил Роран.

— За такие речи в столице молчат, — Элиана усмехнулась. — Тише будешь — дольше проживёшь.

Крестоносец слушал молча. Силу, которая берётся из человека и возвращается с покоем, он отметил так, как солдат отмечает глубину брода: на случай, если однажды придётся через него идти.

Прошло несколько минут.

Роран опустил взгляд на стол. Его кружка уже опустела. Элиана тоже допила свой эль. Лишь кружка Крестоносца оставалась нетронутой. Разбойник удивленно поднял бровь.

— Ты даже не пригубил.

Крестоносец спокойно ответил:

— Я не пью.

— Совсем?

— Совсем.

Роран кивнул на шлем.

— Или дело в том, что ты не хочешь его снимать?

Крестоносец молчал.

— И в этом тоже.

Роран усмехнулся.

— Начинаю думать, что никто вообще не знает, как ты выглядишь.

Крестоносец не ответил. Для него шлем был не просто частью доспехов. Он давно стал частью его самого. Элиана посмотрела сначала на рыцаря, затем на нетронутую кружку.

— Тогда я не буду спрашивать почему.

Крестоносец кивнул в знак благодарности. За весь вечер никто не пытался лезть туда, куда он не собирался никого впускать. За окном завыл холодный ветер. Где-то далеко, за стенами Тенебриса, в темноте раздался протяжный, нечеловеческий вой. Разговор за столом сам собой оборвался. Роран мгновенно перестал улыбаться. Его рука сама легла на рукоять кинжала. Крестоносец также насторожился, слегка повернув голову в сторону окна. Вой повторился. На этот раз он прозвучал ближе.

— Что это было? — спросил Крестоносец сам, не дожидаясь вопросов.

Элиана спокойно поставила кружку на стол.

— Не стоит волноваться. Пока.

Она устало вздохнула.

— По ночам монстры бродят в лесах вокруг города. Иногда подходят к самым стенам. Если ворота закрыты, они редко пытаются войти.

Роран нахмурился.

— Редко?

— Иногда им удается найти проходы через старые катакомбы... или проломить слабые участки стены. Тогда погибают люди.

Она отвела взгляд.

— Мы уже привыкли к этому вою.

В этот момент дверь таверны с громким скрипом распахнулась. Внутрь вошла рыжеволосая девушка, записывавшая прибывших охотников. Следом за ней появился высокий чело-

век в длинном темном плаще. На его лице была маска чумного доктора с длинным клювом. На широком поясе висели стеклянные склянки с разноцветными жидкостями, связки сушеных трав, небольшие кожаные мешочки с порошками, хирургические иглы, зажимы, бинты и маленький острый нож. Он подошел к столу. Рыжая девушка улыбнулась.

— Нашла вашего последнего спутника.

— Кстати, меня зовут Ливия, — представилась она.

— Я отвечаю за учет прибывших и выдачу поручений.

Роран с интересом посмотрел на незнакомца.

— Не пойми неправильно... но зачем тебе одежда чумного доктора? Чума ведь закончилась много лет назад.

Человек слегка наклонил голову. Его голос звучал спокойно и приглушенно из-под маски.

— Меня зовут Альдрен.

Он положил на стол небольшую сумку с алхимическими принадлежностями.

— Когда-то я был алхимиком. Позже стал врачом.

Он коснулся длинного клюва маски.

— А маску ношу потому, что воздух за пределами городских стен становится все более отравленным.

Туман, который приходит вместе с чудовищами, медленно сводит людей с ума. Внутри клюва находятся лечебные травы и очищающие смеси. Они не дают полной защиты... но позволяют дольше сохранять рассудок. Роран присвистнул.

— Значит, выглядит жутко, зато полезно.

Альдрен едва заметно кивнул.

Их разговор прервала Ливия. Она положила на стол свернутую карту.

— Раз уж все в сборе, слушайте первое поручение.

Все четверо перевели на нее взгляд.

— Несколько дней назад к северу от города, под старой часовней, обнаружили подземелье.

Она развернула карту.

— Судя по рассказам немногих выживших, монстры расширили старые катакомбы и превратили их в свое логово.

Ливия указала на отмеченное место.

— Оттуда они почти каждую ночь выбираются на поверхность и нападают на жителей.

Элиана нахмурилась.

— Кто-нибудь уже пытался зачистить это место?

Ливия помрачнела.

— Два отряда.

Она ненадолго замолчала.

— Ни один не вернулся.

В таверне стало необычайно тихо. Даже шум разговоров за соседними столами словно стих.

— Ваша задача проста, — продолжила Ливия.

— Спуститься в подземелье, уничтожить гнездо чудовищ и, если получится, выяснить, почему они собираются именно там.

Она свернула карту и протянула ее Крестоносцу.

— Выдвигаетесь на рассвете.

Крестоносец принял карту. Роран усмехнулся, пытаясь скрыть волнение.

— Ну что... добро пожаловать в Тенебрис.

После того как Ливия закончила объяснять задание, разговор угас сам собой.

Крестоносец первым поднялся на ноги. Он посмотрел на своих новых спутников и спокойно произнес:

— Найдите место для ночлега.

Он сделал небольшую паузу.

— Я вернусь позже.

— И куда ты собрался? — спросил Роран.

— В церковь. — коротко ответил Крестоносец.

Не сказав больше ни слова, Крестоносец развернулся и вышел из таверны. На улице по-прежнему царила вечная ночь. Холодный ветер гулял между пустыми домами, а где-то вдалеке снова раздался вой чудовищ. Крестоносец уверенно шел по безлюдной улице. Вскоре впереди показались высокие шпили городской церкви. Но прежде чем войти, он остановился. Всю территорию вокруг храма окружало огромное кладбище. Сотни деревянных крестов уходили вдаль, насколько хватало взгляда.

Крестоносец медленно прошел между рядами могил. Он внимательно смотрел на надгробия. Почти вся земля была еще рыхлой. Кресты выглядели новыми. На некоторых могилах до сих пор лежали свежие цветы, не успевшие окончательно завянуть. Рыцарь понял сразу. Все эти люди были похоронены совсем недавно. Каждый день кладбище продолжало расти. Он перекрестился и направился к храму. Внутри было тихо. Несколько свечей освещали длинный проход к алтарю. На деревянных скамьях почти никого не было. Лишь две пожилые женщины молились, склонив головы. Крестоносец подошел к алтарю. Он снял меч с пояса и опустился на одно колено. Его молитва длилась долго.

Вокруг царила такая тишина, что было слышно лишь потрескивание свечей. Когда он поднялся, из боковой двери вышел мужчина средних лет. У него уже начала появляться залысина, а на переносице держались круглые очки. Несмотря на усталое лицо, взгляд священника оставался добрым. Он подошел ближе.

— Мир тебе, брат.

Крестоносец слегка склонил голову.

— И тебе.

Священник грустно улыбнулся.

— Я отец Матфей. Главный священник Тенебриса.

Некоторое время он молчал, затем посмотрел в сторону окон, за которыми виднелось кладбище.

— Ты ведь видел его?

— Да.

— Раньше его не существовало.

Крестоносец перевел взгляд на священника.

— Здесь был обычный церковный двор.

Отец Матфей тяжело вздохнул.

— Но Катастрофа изменила все. Люди умирают почти каждый день. Нам уже давно не хватает места. Приходится расширять кладбище снова и снова.

Он ненадолго замолчал.

— И боюсь, скоро даже его станет недостаточно.

Священник подошел к небольшому деревянному шкафу возле алтаря. Достав оттуда аккуратно перевязанный сверток, он протянул его Крестоносцу.

— Возьми.

Рыцарь развернул ткань. Внутри оказался небольшой стеклянный флакон, наполненный прозрачной жидкостью. Святая вода.

— Мы освящаем ее здесь, в храме, — сказал отец Матфей.

— Ее осталось немного. Используй только тогда, когда другого выхода не будет.

Отец Матфей помолчал и добавил тише:

— Когда-то в храме хранились запретные свитки. Мне довелось их читать. Там было одно предсказание: первым поднимутся мертвецы. А потом из глубин придет то, чему в писаниях нет имен. Я надеялся не увидеть второй страницы.

Крестоносец бережно убрал флакон в поясную сумку.

— Благодарю.

Отец Матфей посмотрел на серебряный крест на его груди.

— О вас уже говорят по всему городу. Люди возлагают большие надежды на ваш отряд.

Крестоносец покачал головой.

— Надежду следует возлагать на Господа, а не на людей.

Священник улыбнулся.

— Именно поэтому Церковь и отправила сюда тебя.

Оба молчали.

За стенами храма снова послышался далекий, протяжный вой, от которого даже пламя свечей едва заметно дрогнуло.

Крестоносец крепче сжал рукоять меча. Его молитва закончилась. Настало время готовиться к битве.

Глава 4. Костлявая напасть

Крестоносец покинул церковь и направился обратно к таверне. Ночь в Тенебрисе оставалась такой же безмолвной и тяжелой. Лишь холодный ветер гулял по пустым улицам, а где-то вдалеке вновь раздавался вой чудовищ.

По дороге к таверне он впервые шёл не мимо города — сквозь него.

Свеча горела в окне — не освещение, а объявление: в этом доме ещё дышат. У кого не хватало на свечу, окна заклеивали листами жёлтой бумаги. Надпись на бумаге была короткой: «Под опекой прихода». Жёлтых листов в квартале было больше, чем окон.

Только на одном доме лист висел аккуратно — разглаженный, с ровными краями. За ним угадывался медный блеск подсвечника и чистое стекло. Кто-то ещё старался, чтобы дом выглядел живым. Крестоносец прошёл мимо и не стал гадать, к чему эта старательность — к вере или к страху.

Торговля шла прямо с пола — лавки давно исчезли. Соль и свечи. Соль дорожала каждую неделю. Свечи не дорожали никогда — их покупали не ради света.

Соль шла с запада — обозами из Сольмара, морских королевств: там её по-прежнему тянули из моря, и она стоила дешевле хлеба. До Тенебриса обоз шёл месяц и терял по дороге десятую часть — разбойникам, тварям, пошлинам. Поэтому соль дорожала, а свечи — нет: вощину делали здесь, и для неё не требовалось моря.

На паперти сидели дети. Они просили не подаяния — работы. Взрослые стояли позади, на расстоянии шага, и смотрели в землю: просить за детей было стыдно, просить за себя — уже бессмысленно.

У южных ворот выстраивали ополчение. Стражник вёл учёт честно — так же, как ведут учёт зерна. Список был длинным, и ни один в нём не умел держать копьё.

Торговка с корзиной отодвинулась от его креста на всю ширину мостовой. Не от креста — от того, кто его носил. Страх был честнее доверия: его не надо было заслуживать.

Тенебрис не умер. Он притворялся — старательно, изо дня в день, и притворство давно стало единственной живой привычкой, которая у него осталась.

Когда он вошел в таверну, Роран сразу заметил его и широко улыбнулся.

— Ну наконец-то! Я уж думал, ты решил ночевать прямо в церкви.

Крестоносец ничего не ответил.

— Мы уже обо всем позаботились, — продолжил Роран.

— Сняли комнаты на втором этаже. Ну... если их вообще можно назвать комнатами. Окна заколочены досками, правда из щелей все равно дует так, будто стены вообще нет.

Роран усмехнулся.

— Но выбора у нас особого не было.

Крестоносец лишь кивнул.

— Показывай.

Разбойник повел его по скрипучей лестнице на второй этаж. Коридор встретил их полумраком. Старые доски жалобно скрипели под ногами, а кое-где с потолка капала вода. Роран остановился возле одной из дверей.

— Вот твоя комната. Мы с Альдреном разместились рядом, а Элиана — напротив.

Крестоносец вошел внутрь. Комната оказалась совсем небольшой. Старая деревянная кровать, шаткий стол, один стул и крошечное окно, наглухо заколоченное досками. Лишь между ними оставалась узкая щель. Рыцарь подошел к окну и посмотрел наружу. За городской стеной простирался черный лес.

Даже отсюда казалось, что деревья едва заметно шевелятся сами по себе. Где-то между стволами мелькнули два тускло светящихся огонька. Глаза. Через мгновение они исчезли. Кре-

стоносец задернул занавеску. После этого он снял дорожную сумку и спокойно начал проверять снаряжение. Меч. Лезвие оставалось идеально острым. Кинжал. Кожаные ремни доспехов. Небольшой сверток со святым свитком, на который Церковь наложила древнее благословение. В случае крайней необходимости его сила могла защитить владельца от порождений тьмы, но лишь один раз. Убедившись, что все в порядке, Крестоносец снял броню, но шлем оставил на голове. Он лег на жесткую кровать. Через несколько минут комната погрузилась в тишину. Когда наступило утро... если вечную ночь вообще можно было назвать утром, Крестоносец открыл глаза. Он поднялся первым. Надев броню и закрепив меч на поясе, рыцарь вышел в коридор. По очереди он постучал в двери своих спутников.

— Пора.

Вскоре вся четверка собралась внизу. Роран громко зевнул.

— Такое чувство, будто вообще не спал.

Элиана выглядела не лучше. Под ее глазами темные круги стали ярче.

— В этом городе трудно уснуть, — тихо призналась она.

— Кажется, чудовища воют всю ночь.

Альдрен поправил ремни своей сумки.

— Мне тоже удалось поспать всего несколько часов.

Лишь Крестоносец выглядел так же спокойно, как и накануне.

На самом деле он не спал вовсе. Каждый раз, когда он закрывал глаза, вставало одно и то же: грязь, дым, крики на незнакомом языке. Чьи-то голоса выкрикивали слова — короткие, рваные, злые. Он не мог разобрать ни одного. Знал только, что слова эти адресованы ему.

Он открывал глаза. Комната возвращалась. Голоса стихали. Оставалось только чувство — тяжёлое, липкое, без имени. Он давно привык считать его своей тенью.

Они еще раз проверили свое снаряжение.

Роран зарядил кремневый пистолет и убрал его за пояс. Элиана закрепила на поясе булаву и книгу молитв. Альдрен пересчитал склянки с алхимическими смесями, лечебные травы и хирургические инструменты. Крестоносец осмотрел меч, убедился, что святой свиток и флакон со святой водой надежно закреплены, после чего молча кивнул. Хозяин таверны выдал им несколько факелов и небольшой мешок с провизией. Получив все необходимое, четверо вышли на улицу. Дорога к старой часовне проходила через пустые улицы Тенебриса. Пока они шли, Роран решил нарушить молчание.

— Когда закончим задание, первым делом найду горячую ванну.

Элиана тихо улыбнулась.

— А я просто хочу хоть один день провести без чьих-нибудь похорон.

Альдрен задумчиво произнес:

— Если удастся добыть редкие травы за городом, я смогу приготовить лекарства. Их здесь очень не хватает.

Роран усмехнулся.

— Вот видите, у всех есть планы.

Он повернулся к Крестоносцу.

— А ты что собираешься делать после задания?

Крестоносец не ответил. Он продолжал идти вперед, не сводя взгляда с дороги. В его мыслях не было ни отдыха, ни награды. Лишь одно. Сохранить как можно больше жизней. Потому что он уже слишком много раз видел, как люди погибают во тьме.

Вскоре последние дома Тенебриса остались позади.

Впереди простирался мрачный лес. Четверо путников шагали по старой, почти заросшей дороге. За три часа пути никто почти не произнес ни слова. Даже обычно разговорчивый Роран сегодня молчал. Каждый думал о предстоящем сражении. Элиана тихо перебирала пальцами страницы своей книги молитв. Альдрен время от времени поправлял сумку с алхимическими

принадлежностями, проверяя, не разбились ли склянки. Крестоносец шел впереди. Даже он чувствовал непривычную тяжесть. Они направлялись туда, где еще никто из выживших не был. В неизведанную тьму. Он не боялся смерти. Но понимал, что неизвестность опаснее любого врага. Никто из них не знал, какие твари скрываются под землей. И никто не мог гарантировать, что все четверо вернутся обратно. Наконец между деревьями показались полуразрушенные руины старой часовни. От нее остались лишь обвалившаяся колокольня да несколько потрескавшихся каменных стен. За алтарем сиял огромный провал, ведущий глубоко под землю. Из него тянуло ледяным воздухом. Казалось, сама тьма была гуще обычной ночи. Она словно поглощала даже слабый свет вокруг. Роран невольно поежился.

— Не нравится мне это место...

Крестоносец подошел к самому краю провала. Из глубины не доносилось ни единого звука. Словно подземелье было мертвым.

Именно это настораживало сильнее всего. Роран достал из сумки четыре факела. Один за другим он поджег их. Оранжевое пламя немного разогнало мрак. Он протянул факелы спутникам.

— Ну что...

Разбойник улыбнулся, хотя в его голосе чувствовалось напряжение.

— Если повезет, вечером снова будем пить эль в таверне.

Элиана слабо улыбнулась.

— Господь да услышит тебя.

Альдрен крепче сжал ремень своей сумки.

— Будьте осторожны. Мы не знаем, что ждет нас внутри.

Крестоносец не стал тратить слов. Первым он начал спускаться по древней каменной лестнице. Остальные последовали за ним. С каждым шагом становилось все холоднее. Свет факелов отражался от сырых стен, покрытых густым зеленым мхом. С потолка медленно капала вода. Узкие коридоры тянулись вперед, словно бесконечный лабиринт. Каждый из них внимательно осматривался по сторонам.

Любой шорох заставлял руку невольно тянуться к оружию. Они прошли еще несколько сотен метров. И вдруг остановились. Перед ними возвышались огромные деревянные двери. Старые, потемневшие от времени. Их поверхность покрывали глубокие царапины, словно кто-то с невероятной силой пытался выбраться наружу. За дверями царила полная тишина. Роран сглотнул.

— Кажется... самое интересное начинается именно сейчас.

Элиана крепче сжала рукоять булавы. Альдрен проверил, легко ли достаются из сумки склянки с алхимическими смесями. Крестоносец положил руку на рукоять меча. Все четверо понимали одно. Стоило открыть эти двери — и пути назад уже не будет. Роран глубоко вдохнул и попытался подбодрить остальных.

— Мы справимся.

Элиана ответила с уверенностью.

— Господь с нами.

Альдрен добавил:

— Держитесь вместе. Что бы ни случилось.

Крестоносец обвел взглядом своих спутников.

— Не отходите друг от друга.

Это были его первые слова за долгое время.

После этого он медленно положил обе руки на тяжелые створки дверей. Тяжелые двери с протяжным скрипом распахнулись. Запах сырости мгновенно сменился смрадом гнили.

Пламя факелов дрогнуло.

Перед отрядом открылся огромный подземный зал. Повсюду валялись человеческие кости, обломки оружия и разорванные знамена.

Но больше всего в глаза бросались тела. Два десятка мертвецов в проржавевших доспехах лежали на холодном каменном полу. Это были остатки тех самых двух отрядов, которых отправили сюда до них. Некоторые скелеты до сих пор сжимали в руках мечи. Другие были разорваны на части. Элиана побледнела.

— Господи...

В этот момент по залу раздался треск костей. Одна за другой груды останков начали шевелиться. Из пола медленно поднимались скелеты. Пустые глазницы вспыхивали тусклым зеленым светом. Вскоре перед ними уже стояло около шестнадцати оживших скелетов. Большинство сжимало тяжелые деревянные дубины.

Несколько держали ржавые мечи, когда-то принадлежавшие погибшим воинам. Элиана невольно сделала шаг назад. Ее дыхание участилось.

— Они... они ожили...

Крестоносец не стал ждать. Он резко сорвался с места. Каменный пол задрожал под тяжелыми латами. Первый скелет даже не успел поднять дубину. Священный меч описал широкую дугу. Удар. Череп разлетелся на десятки осколков. Безголовое тело рухнуло на землю.

— В бой! — крикнул Роран.

Он мгновенно вскинул кремневый пистолет. Грохнул выстрел. Пуля разбила позвоночник одному из скелетов, и тот рассыпался грудой костей. Убрав разряженный пистолет за пояс, Роран выхватил кинжал и, подхватив с пола короткий меч одного из погибших солдат, бросился в схватку. Крестоносец тем временем прорубался сквозь ряды нежити. Каждый его удар дробил кости, ломал оружие и отбрасывал врагов назад. Но скелетов было слишком много. Один из них уже занес меч над спиной рыцаря.

— Берегись! — крикнула Элиана.

Она подскочила и с силой ударила булавой по ребрам скелета. Раздался громкий хруст. Нежить разлетелась на части. Еще один противник попытался подобраться к Крестоносцу с другой стороны. Весталка вновь успела первой. Ее булава обрушилась на череп мертвеца, превращая его в груду костей.

Несмотря на страх, она не позволяла врагам подобраться к товарищу со спины. Тем временем Альдрен держался немного в стороне. Отбиваясь маленьким хирургическим ножом и тяжелой металлической пилой от особенно настырных скелетов, он быстро осматривал тела погибших охотников. Его опыт врача сразу заметил странности. У большинства не хватало крови. Кости некоторых были покрыты черным налетом.

— Странно... — пробормотал он.

Но времени размышлять не было. Очередной скелет бросился на него.

Альдрен увернулся, после чего метнул в противника небольшую склянку. Она разбилась о грудную клетку. Едкая жидкость мгновенно разъела старые кости, и скелет рухнул на пол. Бой продолжался еще несколько минут.

Последний оживший мертвец бросился на Крестоносца, высоко подняв меч. Рыцарь спокойно сделал шаг вперед. Один точный удар. Священный клинок рассек скелета пополам. Кости с грохотом рассыпались по каменному полу. Наступила тишина. Слышалось лишь тяжелое дыхание четверых путников. Роран опустился на одно колено.

— Уф... А они оказались крепче, чем я ожидал.

Элиана тяжело дышала, опираясь на булаву.

— Господь... спасибо...

Альдрен снял перчатку и вытер пот со лба.

— Никто не ранен?

Роран быстро оглядел остальных. Все были целы. Их доспехи и одежда покрылись пылью и костяной крошкой, но ни один из них не получил даже царапины. Однако каждый понимал одно. Если это были лишь первые защитники подземелья… То настоящее зло ждало их гораздо глубже. Последний скелет с грохотом рассыпался по каменному полу. Гулкое эхо стихло. Все четверо тяжело дышали. Даже Крестоносец чувствовал, как после напряженного боя мышцы начали наливаться усталостью. Роран первым сел прямо на холодный камень.

— Фух... Дайте хоть немного отдышаться.

Он снял с пояса кожаный подсумок и пересчитал оставшиеся патроны.

— Один... два... три... четыре... пять.

Разбойник тяжело вздохнул.

— Всего пять выстрелов. Придется экономить.

Альдрен тем временем присел над разрубленным скелетом. Соскоблил с кости немного черного налета и насыпал в склянку.

— Хуже, чем я думал, — сказал он. — Это не гниль. Так пахнет то, что поднимается снизу. Мертвецы — лишь первые. Если чернота расползается по костям... значит, глубже уже ждут те, кого зовут вторыми.

— Вторыми? — Элиана посмотрела на него.

— В запретных свитках имен нет. Только предупреждение: за мертвецами идет преисподняя. По волнам. Как прилив.

Элиана присела рядом, оперевшись на булаву.

Альдрен продолжал осматривать останки погибших, пытаясь понять, что именно их убило. Через несколько минут Роран нарушил молчание.

— Может... вернемся?

Он посмотрел на остальных.

— Если первый бой оказался таким тяжелым, страшно представить, что нас ждет дальше.

Элиана кивнула.

— Я тоже об этом подумала.

Даже Альдрен выглядел неуверенно.

— Возможно, разумнее будет привести сюда еще один отряд.

Крестоносец достал карту подземелья, которую им выдала Ливия. Он развернул ее на полу.

— Посмотрите.

Все трое наклонились.

— Мы прошли лишь малую часть.

Его палец указал на отмеченные помещения.

— Если мы уйдем сейчас, сюда отправят другую группу.

Он поднял взгляд.

— Но сможет ли она справиться — неизвестно.

Никто не ответил. Крестоносец продолжил:

— Если же мы вернемся за подкреплением...

Он ненадолго замолчал.

— За это время нежить может выбраться наружу.

Перед глазами Элианы сразу возникло городское кладбище.

Роран недовольно выдохнул. Он понимал, что рыцарь прав.

— Ладно...

Он поднялся.

— Тогда идем до конца.

Альдрен утвердительно наклонил голову. Элиана перекрестилась.

— Да хранит нас Господь.

Отряд вновь двинулся вперед.

Глава 5. Сырое подземелье

Следующие коридоры встретили их полной тишиной. Никаких скелетов. Никаких чудовищ. Лишь сырой воздух и звук собственных шагов, они прошли одну комнату, затем вторую. Пусто. Еще один длинный коридор. Снова ничего. Роран облегченно выдохнул.

— Может... мы уже перебили всех?

Элиана позволила себе едва заметную улыбку. Даже Альдрен выглядел спокойнее. Наконец впереди показалась еще одна дверь. Она была намного больше предыдущей. Толстые деревянные створки были укреплены железными полосами. Роран усмехнулся.

— Ну, кажется, последняя.

Он без особого напряжения толкнул дверь. Створки медленно раскрылись.

Разбойник сделал шаг вперед... И застыл. Улыбка мгновенно исчезла с его лица. За дверью находился огромный зал. В нем стояли десятки оживших скелетов. Около тридцати. И почти каждый был вооружен настоящим мечом. В первом ряду возвышались двое особенно крупных скелетов. Их кости скрывали остатки тяжелой брони, а в руках они держали огромные боевые топоры. Но больше всего Альдрену не понравились несколько фигур в глубине зала. Эти скелеты не держали оружия. Вместо этого они сжимали в руках большие металлические кубки, наполненные густой темно-красной жидкостью. Кровью. Элиана побледнела.

— Господи...

Роран невольно сделал шаг назад.

— Да мы отсюда живыми не выйдем...

Только Крестоносец остался совершенно спокойным. Он внимательно осмотрел зал. Затем заговорил твердым голосом:

— Победим только если будем действовать вместе.

Он посмотрел на Элиану.

— Ты останешься позади. Поддерживай нас молитвами и исцеляй каждого, кто получит ранения.

Весталка уверенно кивнула.

— Поняла.

Затем Крестоносец перевел взгляд на Альдрена.

— Если кто-то из них попытается обойти строй или прорваться с флангов — используй свои смеси. Не позволяй им окружить нас.

— Сделаю все, что смогу.

Последним рыцарь посмотрел на Рорана. Тот уже понял свою задачу.

— Прикрывать тебя?

Крестоносец молчал. Ему совершенно не нравилась мысль доверить собственную спину бывшему разбойнику. Но выбора не было.

— Да.

Роран впервые не стал шутить. Он лишь серьезно кивнул.

— Не дам никому зайти тебе в спину.

Крестоносец медленно обнажил меч. Сталь тихо зазвенела в подземной тишине. В этот же миг десятки пустых глазниц вспыхнули зеленым светом. И весь зал пришел в движение. Крестоносец крепче сжал рукоять меча. Он медленно завел клинок за спину, после чего резким боковым ударом попытался расколоть первого подбежавшего скелета. Но тот неожиданно поднял меч. Раздался звон стали. Удар был парирован.

— Они умеют сражаться! — крикнул Роран.

В следующий миг остальные скелеты начали обходить Крестоносца с двух сторон, пытаясь окружить его.

— Не дам!

Роран вскинул кремневый пистолет. Первый выстрел. Второй. Третий. Четвертый. Пятый. Из-за накатившего напряжения его руки дрожали. Из пяти пуль лишь три нашли цель. Три скелета рассыпались на части. Двое других продолжили наступление.

— Проклятье...

Разбойник отбросил бесполезный пистолет и выхватил кинжал. Тем временем двое скелетов одновременно атаковали Крестоносца. Первый ударил сверху. Рыцарь резко развернулся и одним взмахом меча разрубил противника пополам. Но второй воспользовался моментом. Ржавый клинок вонзился в сочленение лат на колене. Острая боль пронзила ногу. Крестоносец невольно опустился на одно колено.

— Крестоносец! — вскрикнула Элиана.

Она раскрыла книгу молитв. По страницам пробежало мягкое золотистое сияние.

— Свет Господа... исцели раненого!

Теплый поток света окутал ногу рыцаря. Боль начала быстро стихать. Рана прямо на глазах затянулась.

Крестоносец сразу же поднялся. Не теряя ни секунды, он бросился прямо на двух огромных скелетов в тяжелой броне. Тем временем остальные мертвецы изменили цель. Несколько скелетов заметили сияние молитвы. Они дружно развернулись и бросились к Элиане.

— Они идут к тебе! — закричал Роран.

Но между ними уже оказался Альдрен.

Он одну за другой бросал алхимические склянки.

Стекло разбивалось о кости. Огонь. Кислота. Едкий дым.

Несколько скелетов рухнули на землю.

Но запас зелий быстро закончился.

Альдрен потянулся к последней сумке… И в этот момент один из скелетов ударил его мечом по руке. Лезвие рассекло предплечье.

— А-а-а!

Доктор вскрикнул и выронил сумку. Кровь закапала на каменный пол. Элиана сразу же подбежала к нему. Она вновь раскрыла книгу. Последние остатки магической силы сорвались со страниц. Рана Альдрена медленно затянулась. Весталка тяжело опустилась на колено. Ее дыхание стало прерывистым.

— Все...

Она слабо покачала головой.

— Я больше не смогу никого исцелить...

Она закрыла книгу.

— Мана закончилась.

Тем временем Крестоносец почти полностью расчистил пространство вокруг себя. Разрубленные кости устилали весь пол.

Из врагов оставались лишь два огромных бронированных скелета и несколько странных мертвецов с кубками, наполненными кровью. Крестоносец крепче сжал меч. Он сделал шаг вперед. Замахнулся… И вдруг весь мир исчез. Перед глазами наступила абсолютная темнота. Он больше не чувствовал собственного тела. Не слышал звуков битвы. Не видел товарищей. Лишь спустя мгновение перед ним возникла совсем другая картина. Небольшая деревня. Солнце. Зеленые поля. Крики людей. Разбойники ворвались на улицы. Огонь охватил дома. Он увидел мужчину и женщину. Своих родителей. Они пытались защитить его… Но один за другим пали от ударов мечей. Вся деревня утонула в крови. Потом появились всадники с серебряными крестами на доспехах. Крестоносцы. Они уничтожили разбойников. А маленького мальчика забрали с собой.

— Крестоносец!

Голос Рорана доносился будто из другого мира.

— Очнись!

Но рыцарь ничего не слышал.

Он словно оказался заперт в собственных воспоминаниях. Лишь огромным усилием воли он начал возвращаться в реальность. Силуэты подземелья медленно проступали перед глазами. Но было уже поздно. Один из огромных скелетов с размаху опустил топор. Крестоносец едва успел выставить левую руку. Лезвие с грохотом ударило по латной перчатке. Боль пронзила всю руку. Следом второй скелет ударил его обухом топора прямо в шлем. Глухой удар эхом отдался в голове. Перед глазами все поплыло. В ушах зазвенело. Он перестал различать лица. Лишь смутно видел, как его товарищи, выбиваясь из последних сил, пытаются удержать врагов. Роран, тяжело дыша, вдруг заметил скелетов с кубками.

— Это они!

Не раздумывая, он бросился вперед. Кинжал несколько раз сверкнул в воздухе. Первый странный скелет рухнул.

Затем второй.

Последний сжимал кубок до самого конца, но и он рассыпался под ударом разбойника. В тот же миг туман в сознании Крестоносца исчез. Но силы окончательно покинули его.

Он потерял сознание.

* * *

Через несколько мгновений он вновь открыл глаза. Вокруг все еще гремела битва. Его товарищи почти не держались на ногах. Скелеты медленно окружали их. Крестоносец дрожащей рукой достал из поясной сумки небольшой флакон. Святая вода. Он вылил ее на раненую руку. Жгучая, почти невыносимая боль пронзила все тело. Будто на открытую рану вылили раскаленное железо. Но вместе с болью пришла ясность. Крестоносец поднялся. Поднял меч. И с громким боевым кличем бросился вперед. Первый удар рассек грудную клетку огромного бронированного скелета. Второй снес голову другому. Два самых сильных противника рухнули на каменный пол, рассыпаясь грудой костей прямо перед окруженными товарищами. Перед Крестоносцем оставались всего четверо скелетов. Они медленно приближались, подняв ржавые мечи. Но теперь в глазах рыцаря не было прежнего спокойствия. Под шлемом горел гнев. Он уже не помнил, что именно увидел в своем помутненном сознании. Лишь обрывки воспоминаний продолжали терзать его разум, вызывая необъяснимую ярость. Первый скелет бросился вперед. Крестоносец отбил его меч в сторону, сделал шаг вплотную и свободной рукой схватил мертвеца за череп. Стальные латные пальцы сомкнулись. Раздался сухой хруст. Череп не выдержал давления и рассыпался в костяную пыль прямо у него в кулаке.

Безголовое тело рухнуло на каменный пол. Второй попытался ударить сбоку. Крестоносец резко развернулся и одним ударом меча отсек ему обе руки, после чего мощным пинком разбил грудную клетку. Третий получил настолько сильный удар сверху, что его позвоночник треснул, а кости разлетелись по всему залу. Последний скелет хотел отступить. Но Крестоносец не позволил. Он догнал его несколькими тяжелыми шагами и мощным рубящим ударом расколол его от головы до таза. Последние кости с грохотом упали на пол.

* * *

Подземелье наконец затихло. Никто не двигался. Только тяжелое дыхание четырех выживших эхом разносилось по огромному залу. Роран первым нарушил молчание. Он тяжело сел прямо на камень и нервно рассмеялся.

— Мы...

Он глубоко вдохнул.

— Мы действительно это сделали...

Элиана устало улыбнулась.

— Господь был милостив к нам.

Альдрен, придерживая недавно исцеленную руку, опустился рядом со стеной.

— Никогда не думал, что скажу такое... но я счастлив снова видеть солнечный... хотя бы обычный ночной свет.

Роран усмехнулся.

— Здесь даже солнца нет.

— Все равно лучше, чем это место.

Даже Крестоносец почувствовал небольшое облегчение. Пускай впереди их ждало еще множество битв… Сегодня они выжили.

Обратный путь оказался долгим. Никто почти не разговаривал. Слишком много сил осталось в подземелье. Когда они наконец поднялись по лестнице и вышли наружу, холодный воздух показался удивительно свежим.

Роран глубоко вдохнул.

— Никогда бы не подумал, что буду так рад выбраться из какой-то дыры.

Элиана тихо засмеялась. Даже Альдрен позволил себе слабую улыбку. Они начали поздравлять друг друга с первой победой. Но внезапно позади раздался тяжелый металлический грохот. Все резко обернулись. Крестоносец стоял еще мгновение. Затем его ноги подкосились. Он без единого слова рухнул на землю.

— Крестоносец! — закричал Роран.

Он первым подбежал к рыцарю.

— Эй! Очнись!

Ответа не последовало. Элиана быстро проверила его дыхание.

— Он жив... Просто потерял сознание.

Альдрен осторожно осмотрел раны.

— Он держался на одной силе воли. После такого боя любой другой давно бы умер.

Роран молча посмотрел на тяжелые латы.

— Помогайте.

Втроем они начали снимать с Крестоносца поврежденные части доспехов, чтобы облегчить путь обратно. Когда очередь дошла до шлема, Элиана протянула к нему руку.

— Его тоже снять?

— Нет.

Голос Рорана прозвучал неожиданно твердо. Все посмотрели на него.

— Не снимайте.

— Почему? — удивился Альдрен.

Роран покачал головой.

— Не знаю... Но мне кажется, он бы этого не хотел.

Он вспомнил, как за все время знакомства Крестоносец ни разу не снял шлем, даже чтобы поесть или выпить.

— Оставьте его.

Элиана убрала руку. Роран тяжело вздохнул, затем присел и с огромным трудом взвалил Крестоносца себе на спину.

— Ну же... Святой воин.

Он криво улыбнулся.

— Теперь моя очередь тащить тебя.

* * *

Крестоносец медленно открыл глаза.

Перед ним был белый потолок. В нос ударил запах лекарственных трав. Он лежал на жесткой кровати. Это была небольшая больничная палата. На нем больше не было тяжелых лат. Остался только шлем. Рядом на стуле аккуратно лежали его меч, плащ и дорожная сумка. За дверью слышались приглушенные голоса. Отряд сумел вернуться живым. Дверь палаты

тихо скрипнула. Внутрь вошла молодая медсестра с длинными светло-каштановыми волосами, собранными в аккуратный хвост. Несмотря на усталость, на ее лице сохранялась добрая улыбка. Она несла деревянный поднос с чистыми бинтами и небольшим кувшином воды. Подняв взгляд, девушка неожиданно замерла. Крестоносец смотрел прямо на нее.

— Вы... очнулись?

Рыцарь едва заметно кивнул. Лицо медсестры сразу оживилось.

— Слава Господу!

Она поспешно поставила поднос на столик.

— Подождите здесь!

С этими словами девушка почти выбежала из палаты. Не прошло и минуты, как в коридоре послышались быстрые шаги. Дверь распахнулась. В палату почти одновременно вбежали Роран, Элиана и Альдрен.

— Очнулся! — радостно воскликнул Роран.

Он сразу подошел к кровати.

— Ну ты нас и напугал.

— И ещё кое-что. — Роран понизил голос. — В зале. Ты вдруг замер. Стоял посреди боя, как столб. Я орал на тебя — ты не слышал.

Крестоносец молчал.

— Что это было?

— Я не помню.

Роран смотрел на него ещё мгновение. Потом махнул рукой:

— Ладно. Не помнишь — и не надо.

Но в его голосе не осталось прежней лёгкости.

Крестоносец смотрел на товарищей. Роран, как обычно, заговорил первым.

— После того как ты отключился, мы кое-как выбрались.

Он почесал затылок.

— Потом ты рухнул без сознания.

— Мы сначала подумали... что уже все.

Разбойник усмехнулся.

— Доспехи с тебя пришлось снять, чтобы легче было нести.

Он посмотрел на шлем.

— Но этот я никому не дал снять.

Элиана улыбнулась.

— Он настоял.

— Если человек не снимает его даже во сне и после боя, значит, причина действительно серьезная, — добавил Альдрен.

Роран продолжил рассказ:

— До города тебя тащил в основном я. Честно говоря... ты весишь вместе с латами как два кабана.

Он засмеялся.

— Хорошо хоть по дороге никто больше не напал.

Крестоносец коротко произнес:

— Благодарю.

Роран лишь махнул рукой.

— Пустяки.

Потом его лицо стало серьезнее.

— Кстати...

Он посмотрел на рыцаря.

— Ты проспал два дня.

Крестоносец слегка повернул голову.

— Два дня?

— Именно.

Элиана подтвердила.

— Все это время Альдрен следил за твоим состоянием.

Чумной доктор спокойно добавил:

— Твои раны были тяжелыми, но гораздо опаснее оказалось истощение. Ты буквально заставлял свое тело двигаться одной силой воли.

Роран неожиданно улыбнулся.

— А еще...

Он указал на небольшую тумбочку возле кровати. Она была заставлена самыми разными вещами. Несколько буханок черного хлеба. Куски сушеного мяса, яблоки. Связки лекарственных трав. Самодельные шерстяные носки. Даже маленький деревянный крестик, аккуратно вырезанный чьими-то руками.

— Все это принесли жители города.

Крестоносец посмотрел на подарки.

— Они сами живут впроголодь, — сказала Элиана.

— Но все равно решили отблагодарить вас.

На несколько секунд в палате всё стихло. Затем Альдрен достал из своей сумки один из металлических кубков, который они вынесли из подземелья.

Внутри еще оставались засохшие следы темной крови.

— Пока ты спал, я изучил это.

Он осторожно поставил кубок на стол.

— Эта кровь не принадлежала обычному существу.

— И что это значит? — спросил Роран.

— На нее наложен древний ритуал.

Альдрен задумчиво посмотрел на темную жидкость.

— Проклятая кровь способна воздействовать на разум. Именно поэтому Крестоносец увидел видения и потерял контроль над собой.

Он немного помолчал.

— Скорее всего, те скелеты поддерживали действие ритуала, используя эти кубки.

Элиана перекрестилась.

— Значит, это была не магия самих скелетов...

— Нет, — ответил Альдрен.

— Они лишь проводники.

Роран тяжело вздохнул.

— Хорошо, что я догадался прирезать этих уродов.

Чумной доктор склонил голову.

— Иначе мы могли бы не выбраться.

Он достал еще несколько старых записей.

— Есть еще одна новость.

Все посмотрели на него.

— Судя по рассказам местных жителей и церковным хроникам, подобные подземелья не строят люди.

— Тогда откуда они берутся? — спросила Элиана.

Альдрен закрыл записи.

— Никто не знает.

Он посмотрел в окно, за которым по-прежнему царила вечная ночь.

— Они появляются сами. Будто возникают из ниоткуда. Иногда за одну ночь. Под старой часовней... под заброшенной мельницей... под домами…

Он поправил маску.

— Словно сама тьма вырывает кусок земли и превращает его в логово своих созданий.

В палате вновь стало тихо. Теперь каждый понимал одно. Очищение одного подземелья ничего не изменило. Пока над Морнграймом висела вечная ночь, новые логова чудовищ могли появиться где угодно.

Несмотря на недовольство лекарей, Крестоносец настоял на выписке.

— Вам необходим еще хотя бы день отдыха, — убеждала его медсестра.

— У меня нет времени отдыхать.

Его голос был спокойным, но непреклонным. Поняв, что спорить бесполезно, врачи лишь перевязали его раны и вернули оружие. У выхода из больницы уже ждали Роран, Элиана и Альдрен.

— Ну наконец-то! — широко улыбнулся Роран. — А то я уже думал, ты решил стать местным пациентом.

Крестоносец промолчал. Разбойник хлопнул в ладони.

— Раз уж все живы, предлагаю отметить первую победу!

— Каким образом? — спросила Элиана.

— Здесь есть одно местечко. После тяжелых вылазок туда ходят почти все авантюристы.

Крестоносец сразу покачал головой.

— Нет.

— Да брось, — не сдавался Роран.

— Мы не напиваться идем. Просто развеемся. После того, что мы пережили, всем нужен отдых.

Даже Альдрен поддержал его.

— Иногда людям действительно нужно отвлечься.

После нескольких минут уговоров Крестоносец нехотя согласился. Заведение оказалось шумным.

На первом этаже располагался большой трактир.

За длинными столами сидели десятки охотников и наемников. Одни азартно играли в карты, другие громко спорили, третьи просто отдыхали после опасных походов.

На второй этаж время от времени поднимались посетители вместе с работницами заведения.

Роран довольно улыбнулся.

— Вот это уже больше похоже на нормальную жизнь.

Почти сразу к Альдрену подошла одна из работниц.

— Простите... вы ведь доктор?

Он согласился.

— Один из наших гостей сильно поранил руку. Не могли бы вы взглянуть?

— Конечно.

Подхватив сумку с инструментами, Альдрен последовал за женщиной наверх. Элиана тем временем спокойно направилась к барной стойке.

— Я останусь здесь.

Она заказала кружку эля и села в стороне от шумной компании. Роран же потер руки.

— А вот и мое любимое занятие.

В дальнем углу несколько авантюристов уже раскладывали карты.

— Надеюсь, сегодня удача будет на моей стороне.

Он уселся за свободное место.

Крестоносец некоторое время наблюдал за ним. «Если оставить его одного, он наверняка во что-нибудь ввяжется.» Поэтому рыцарь подошел ближе. И вдруг остановился. За тем же столом сидел священник в темной рясе. На груди висел серебряный крест. Перед ним лежали карты и несколько монет.

Рядом стояли полураздетые работницы заведения, смеясь над разговорами посетителей и разнося напитки. Священник совершенно спокойно продолжал игру. Крестоносец застыл. Под шлемом его лицо напряглось. Он не мог поверить своим глазам. Служитель Церкви… За карточным столом. В подобном месте. Внутри него мгновенно вспыхнул гнев. Он быстрым шагом подошел к столу. Игроки удивленно подняли головы. Роран сразу понял, что сейчас произойдет что-то нехорошее.

— Эм... Крестоносец...

Но рыцарь уже смотрел прямо на священника. В его голосе прозвучало открытое возмущение.

— Как служитель Господа может проводить время здесь?

За столом повисло напряжённое молчание.

Священник откинулся на спинку стула, спокойно глядя на Крестоносца.

— И какое тебе дело, брат, как я провожу свой выходной?

Его голос был ровным, почти ленивым.

— Церковь учит милосердию, а не слежке.

Крестоносец замер на мгновение. Затем потянулся к рукояти меча. Сталь тихо звякнула в ножнах. В этот момент за его спиной раздался мягкий женский голос.

— Такой напряженный... тебе бы расслабиться.

Одна из работниц заведения подошла ближе и осторожно коснулась его плеча.

На лице у нее была легкая, почти игривая улыбка.

— Здесь есть комнаты, где можно забыть обо всем. Совсем обо всем...

Она мягко прижалась к нему, словно пытаясь отвлечь. Но Крестоносец не дрогнул. Он аккуратно, почти без грубости, взял ее за руку и отстранил.

— Не нужно.

Голос был холодным.

Но в нем чувствовалась не злость, а растерянность — будто он сам не до конца понимал происходящее вокруг.

Женщина пожала плечами и отступила, не настаивая. Но напряжение за столом уже стало опасным. Роран отложил карты.

— Эй... народ, может, не будем...

Поздно.

— Проблемы?

Еще двое авантюристов поднялись из-за соседнего стола.

— Не нравится место — можешь уйти, святой. Кто-то усмехнулся.

— Или мы поможем.

Крестоносец повернул голову. Его взгляд под шлемом стал ледяным.

— Вы поднимаете оружие на служителя Господа?

Охранник сплюнул.

— Здесь ты просто клиент.

И в следующий миг воздух в таверне разорвался. Один из авантюристов первым бросился вперед. Стул опрокинулся.

Крестоносец резко шагнул в сторону, уходя от удара, и ладонь уже легла на рукоять меча. Роран вскочил.

— Черт... я же говорил, что это плохо закончится!

Он выхватил кинжал.

— Стоять! — крикнула Элиана с барной стойки.

Но ее голос утонул в шуме.

Альдрен уже инстинктивно начал искать склянки в сумке. Вся таверна пришла в движение. Охрана и часть авантюристов двинулись на Крестоносца одновременно. Священник лишь тяжело вздохнул и пробормотал:

— Ну вот... опять.

Крестоносец обнажил меч. И металл засиял в тусклом свете ламп. Один из охранников заведения с ревом бросился на Крестоносца. Высокий, массивный амбал с мечом в руках шел прямо на него, не собираясь останавливаться.

— Убрать его! — крикнул кто-то из толпы.

Клинок свистнул в воздухе. Но Крестоносец даже не отступил.

Он резко шагнул навстречу.

Одно короткое движение — и его меч прошел по руке противника. Металл выбил оружие из пальцев амбала, заставив его вскрикнуть и отступить. Крестоносец специально контролировал силу удара — не чтобы убить, а чтобы обезоружить. Но остальные уже ринулись вперед.

— Довольно! — прорычал Роран.

Он встал рядом и выхватил кинжал.

— Я же говорил, что все этим закончится!

Еще двое авантюристов бросились на Крестоносца.

Он сделал глубокий вдох. И вдруг остановился.

— Хватит.

Он резко убрал меч обратно в ножны. Толпа на секунду замерла.

— Чего?! — удивился один из нападавших.

Крестоносец поднял кулаки.

— Если вы не понимаете слов — значит, поймете иначе.

Следующий удар пришелся первому противнику в челюсть. Глухой хруст. Второй получил удар локтем в грудь и отлетел на стол.

Роран ухмыльнулся.

— Ну наконец-то нормальная драка!

Он тоже вступил в бой. Быстрый, грязный стиль — удары кинжалом плашмя, подсечки, удары рукоятью. Он двигался рядом с Крестоносцем, прикрывая его спину. И странное дело — они начали действовать почти синхронно. Крестоносец ломал строй противников короткими мощными ударами. Роран сбивал тех, кто пытался зайти сбоку. Один за другим нападавшие падали на пол, не успевая даже организоваться. Шум таверны превратился в хаос. Столы опрокидывались. Стулья ломались. Эль разливался по полу. Через несколько минут сопротивление сломалось. Последние авантюристы отступили, тяжело дыша.

— Все… хватит… — пробормотал кто-то.

И больше никто не решился продолжать. В зале воцарилась тишина.

Крестоносец опустил руки. Роран вытер кровь с губы и усмехнулся.

— Ну что, святой… умеешь драться и без меча.

Ответа не последовало. Священник, наблюдавший за всем этим со стороны, тихо поднялся. И, пока все были заняты, незаметно направился к выходу. Никто не остановил его. Дверь тихо закрылась за его спиной. И только Роран это заметил.

— Эй… — пробормотал он, глядя в сторону выхода.

Но было уже поздно.

Крестоносец выпрямился, оглядывая разрушенный зал таверны.

— Я сообщу в столицу. В Церковь.

Его голос был ровным, но холодным.

— О поведении этого священника.

Роран усмехнулся, вытирая кровь с губы.

— Да уж… пусть там сами разбираются со своими «служителями».

Альдрен перевел взгляд на выход.

— Брат Ансельм, — негромко сказал он. — Не из здешнего прихода. Из столицы. У столичных братьев память длиннее здешней.

Крестоносец не ответил. Но думал о том же: ушёл первым. Пока все дрались. Значит — видел всё. И запомнил.

В этот момент стало ясно, что задерживаться здесь нельзя. Пока хозяин заведения или городская стража не вернулись, отряд быстро собрался и покинул место драки. Ночь в Тенебрисе оставалась такой же тяжелой и беззвездной. Но после всего пережитого она казалась почти спокойной. В небольшом трактире на окраине города они нашли временное убежище. Комната Крестоносца была простой: деревянная кровать, стол и тусклая лампа. Роран без стеснения вошел внутрь и сел прямо на край стула, поставив кружку эля на стол.

— Ну что, день выдался… насыщенный.

Он сделал глоток. Крестоносец стоял у стены. Шлем все так же скрывал его лицо. Он смотрел в пол. Долго. Наконец заговорил:

— Спасибо.

Роран поднял бровь.

— За что?

Крестоносец чуть помедлил.

— За то, что прикрыл меня.

В комнате повисла короткая пауза.

Роран хмыкнул.

— Я же твой напарник, святой. Это вроде как часть работы.

Крестоносец сжал пальцы. И впервые его голос стал чуть тише.

— Я… не доверял тебе.

Роран перестал пить.

— Ого.

Он поставил кружку. Крестоносец продолжил:

— Считал тебя преступником. Опасным. Ненадежным.

Пауза.

— Но ты… ты сражался рядом со мной, прикрывая тыл.

Он слегка опустил голову.

— И не предал.

Роран усмехнулся, но уже без обычной насмешки.

— Ну, знаешь… я мог бы обидеться на «преступника», но ты прав.

Он почесал затылок.

— Я и правда был тем еще уродом.

Крестоносец поднял взгляд.

— И все же ты остался.

Роран пожал плечами.

— Пока мне платят за монстров — я остаюсь там, где есть монстры.

Он сделал паузу.

— А если честно… после всего, что мы сделали, бросить тебя было бы просто тупо.

Крестоносец кивнул. В комнате стало тихо. Но это была уже не напряженная тишина. А та, в которой наконец можно было просто дышать. Ночь в трактире была тише, чем обычно. После долгого дня даже шум монстров за окнами казался далеким и приглушенным, будто вечная тьма Морнграйма наконец дала всем передышку. Крестоносец сидел на краю кровати еще несколько минут, не двигаясь. Роран уже растянулся на соседней койке, не утруждая себя

лишними формальностями. Кружка эля так и осталась на полу рядом со стулом. Элиана и Альдрен заняли соседние комнаты. Снаружи время от времени проходили редкие шаги — ночные стражники, патрулирующие улицы умирающего города. Крестоносец лег. Шлем он не снял. Металл тихо коснулся подушки. В темноте он смотрел в потолок.

Мысли не уходили. Подземелье. Скелеты. Кубки с кровью. Те странные образы, которые вспыхнули в его сознании во время боя. Он сжал пальцы. Рядом, за стеной, Роран уже начал тихо храпеть. Это было странно успокаивающе. Не молитва. Не приказ. Просто живой человек рядом. Крестоносец закрыл глаза. И тьма впервые не казалась враждебной. Она просто стала ночью. Обычной ночью, которую можно пережить.

За окном, между тучами, разошлась узкая щель. В ней светились звёзды — тусклые, будто уставшие.

Роран спустился на крыльцо. На нижней ступеньке, завернувшись в плащ, сидела Элиана и смотрела вверх.

— Не спишь?

— Мне показалось, что небо открылось. Оказалось — не соврала.

Они помолчали. Роран плюхнулся рядом на ступеньку, выудил из кармана яблоко и протянул ей половину. Она взяла.

— Я видела звездопад. Один раз, в детстве. Небо было полное, живое — огни падали так часто, что я успевала загадывать желания. Я попросила тогда, чтобы солнце осталось. — Она усмехнулась без улыбки. — И оно не осталось. С тех пор я боюсь просить.

Роран посмотрел на неё долго. Потом — на щель в тучах.

— Выживем. — Он сказал это без обычной ухмылки. — Найдём место, где небо открыто, и посмотрим звездопад. Вместе.

Элиана помолчала. А потом кивнула — той улыбкой, которой у неё ещё не было.

Крестоносец подошёл к окну. Он увидел их: двое на крыльце, под редкими звёздами. Он не вышел. Он не знал, как сидеть рядом с людьми, не опуская на них тень.

* * *

Глава 6. Пятая

И все легли спать. Крестоносец не сразу понял, что его разбудило. Сначала был звук. Тихий, настойчивый стук в дверь. Потом голос.

— Крестоносец… вы здесь?

Он открыл глаза. Тьма комнаты, тяжелая ткань штор, запах старого дерева и металла. Шлем все еще на голове. Стук повторился.

— Это я, Ливия.

Крестоносец поднялся.

— Входи.

Дверь осторожно приоткрылась. В комнату вошла Ливия — в руках у нее была папка с печатями и несколько сложенных документов. Ее лицо выглядело уставшим, будто она не спала уже несколько ночей.

— Извините за ранний визит, — быстро сказала она.

— Но ситуация срочная.

Крестоносец молча слушал. Ливия прошла ближе и остановилась у стола.

— В связи с усилением активности подземелий по всему региону, церковь и городские власти приняли решение расширить охотничьи отряды.

Она открыла папку.

— Ваш отряд официально получает пополнение.

Пауза.

— Пятый участник прибудет сегодня же.

В комнате стало тише. Роран, который до этого спал, приоткрыл один глаз.

— Пятый? — сонно пробормотал он. — Мы еле друг друга не поубивали, а вы нам еще кого-то добавляете?

Ливия не улыбнулась.

— Это не обсуждается.

Она протянула документ Крестоносцу.

— Новый участник уже назначен и прошел проверку. Он будет ждать вас в городе.

Крестоносец взял бумаги.

— Кто он?

Ливия чуть помедлила.

— Информация засекречена до встречи.

Роран тихо фыркнул.

— Конечно. Всегда «секретно». В прошлый раз у нас был священник в борделе и кровь, которая управляет людьми.

Он сел на кровати.

— Что дальше? Демон в больнице?

Ливия пропустила его слова мимо ушей. Ее взгляд остановился на Крестоносце.

— Это не просьба. Это распоряжение Церкви.

Она повернулась к выходу.

— Собирайтесь. В полдень вы должны встретиться с новым членом отряда.

Дверь закрылась. В комнате стало тихо.

Роран потер лицо руками.

— Пятый… — вздохнул он. — Мне уже страшно.

Крестоносец ничего не ответил. Он лишь медленно сложил документы. Но в глубине его взгляда появилось то самое чувство, которое появлялось всегда перед новым подземельем. Не страх. Ожидание. Крестоносец поднялся и направился к свободному столу у стены таверны.

Туда же постепенно собрались все члены отряда. Роран уже успел занять стол и с довольным видом что-то обсуждал с местными авантюристами. Элиана сидела чуть в стороне, спокойно наблюдая за залом. Альдрен аккуратно проверял свои склянки, будто даже здесь не мог позволить себе расслабиться. Крестоносец сел отдельно от шума.

Он развернул чистый лист и начал писать письмо в церковь — короткий, сухой доклад о последнем подземелье, о потерях и обнаруженной проклятой крови. Перо скрипело по бумаге. Каждое слово было точным, лишенным эмоций. Время прошло незаметно. Когда солнце достигло полудня — хотя за вечной ночью это ощущалось лишь по внутренним часам — двери таверны открылись. Внутрь вошла девушка. Она была в дорожном плаще с капюшоном, скрывающим лицо. Но даже так в ее облике было что-то слишком яркое для этого уставшего города. Золотистые волосы пробивались из-под ткани. Голубые глаза блеснули, когда она оглядела зал. На спине у нее был длинный лук и колчан со стрелами. Разговоры в таверне постепенно стихли. Девушка подошла к их столу и остановилась. Она сняла капюшон. И в тот же момент несколько авантюристов за соседними столами замолчали окончательно.

Перед ними стояла эльфийка. Редкий народ, почти исчезнувший — из тех, кого в мире осталось чуть больше двух тысяч. Ее красота была не вызывающей, а почти тихой: мягкие черты лица, спокойный взгляд и легкая неуверенность в движениях.

— Я… — она немного запнулась. — Меня зовут Трисс.

Она нервно сжала ремень колчана.

— Меня направила Церковь.

Крестоносец поднял взгляд от письма. Роран присвистнул.

— Ну… теперь у нас официально отряд становится всё страннее.

Элиана чуть приподняла бровь, оценивая новоприбывшую. Альдрен же на мгновение замер. Его взгляд задержался на Трисс чуть дольше обычного.

— Пульс ускорился… — пробормотал он, скорее себе, чем другим.

Трисс смутилась еще сильнее.

— Я… я буду помогать в бою. Меня обучили стрельбе и выживанию в лесах.

Она протянула небольшой запечатанный конверт.

— И еще…мне велели передать это вам. Ее взгляд остановился на Крестоносце.

Он не спеша отложил перо, взял письмо и аккуратно вскрыл печать.

В комнате повисла тишина. Даже шум таверны отступил на второй план.

Крестоносец развернул письмо, внимательно читая каждую строку. Чем дальше он продвигался по тексту, тем тяжелее становился его взгляд под шлемом. Наконец он сложил лист.

— Ситуация изменилась.

Роран перестал крутить кружку.

— Ну давай, скажи что-нибудь хорошее хоть раз.

Крестоносец поднял письмо.

— В столице зафиксирована вспышка «Багряного вируса».

Элиана нахмурилась. Альдрен сразу насторожился.

— Симптомы? — коротко спросил он. — У зараженных густеет и темнеет кровь.

Пауза затянулась. Крестоносец продолжил:

— Заболевших пока мало.

Он сделал паузу.

— Но происхождение болезни связывают с этим регионом.

Роран выругался.

— Конечно. Просто идеально. У нас тут монстры, проклятая кровь и теперь еще чума с бонусами.

Крестоносец перевел взгляд на письмо.

— Приказ: проверить болота.

Он поднял глаза.

— И найти источник.

Крестоносец свернул письмо. Внизу, мелкими строками, шли столичные вести, к поручению отношения не имевшие. Король Эдрик болен. Советники ведут переговоры с дочерьми по отдельности. И строка, подчеркнутая дважды, чужой рукой: «Церковь не признает наследниц — но охотно признает регента».

Последней шла приписка канцелярии, сухая, как отчет: лицам, отлученным от Церкви, выезд из королевства воспрещен. Восточные гавани закрыты.

Элиана перекрестилась. Альдрен задумчиво сжал пальцы.

— Это может быть связано с теми кубками…

— Возможно, — согласился Крестоносец.

Он повернул голову к Трисс.

— И еще одно.

Девушка вздрогнула. Крестоносец зачитал:

— «Позаботьтесь о новом члене отряда».

Роран хмыкнул.

— О, отлично. Теперь мы официально няньки.

Трисс смутилась и опустила взгляд.

— Я… не буду обузой.

Крестоносец кивнул.

— Посмотрим.

Но в голосе не было жестокости — только осторожная оценка. Он аккуратно убрал письмо.

Первый вечер Трисс в отряде сложился из мелочей.

Её вещи сложили в нише у входа — не со злом: ей пока не придумали лучшего места. Она сама настаивала, что так удобнее, и дважды переложила котомку, чтобы занимать меньше.

Роран испытывал её, как проверяют клинок — короткими насмешками, взмахами мимо уха: «святая», «городская», «птичка из золотой клетки». Трисс не обиделась ни разу — отвечала ровно или молчала правильно. К вечеру он перестал проверять.

Элиана за весь вечер не сказала ни слова. Просто положила перед ней лепёшку, а когда похолодало — накинула на её плечи свой дорожный плащ. Это было её первое слово в отряде, произнесённое без звука.

Альдрен вернулся с последнего обхода с пакетом мяты в руках. «Спи у стены, — сказал он. — Там теплее». У стены Трисс спать не собиралась, но спорить с доктором не стала.

Ночью, когда дом затих, она вышла во двор — помолиться. Он стоял у колодца. Не спал — она уже успела понять, что он не спит никогда.

— Ты молилась ночью, — сказал он без оборота. — Вслух молятся для других. Ты молчала.

— Так молятся те, кто спрашивает. — И о чём спросила? — О том, туда ли я попала. — И что ответило? — Пока тихо. — Она кивнула в темноту за стеной. — Значит, отвечать буду я.

Он не ответил и на это. Но впервые кто-то назвал её молитву молитвой, а не обязанностью — и этот вечер она запомнила дольше любой проповеди.

Магия в Морнграйме жила не в башнях — в руках. Дар имела почти всякая семья: кто чует погоду за день, кто находит воду под сухим камнем, кто держит огонь ровным без кочерги. Малая магия — как правая рука: её не замечают, пока она не отнимается.

Но дар — не способность. Умение направить его — сложить руки в форму, что поднимет воду, — даётся единицам. Этому не учат ни молитвой, ни серебром, ни кровью. Раньше таких увозили учиться за стены Вэл-Даррана — страны магов. Теперь дороги заперты, и за одно поколение талант начал гаснуть — не от запрета: от одиночества.

Церковь запрещала немногое, но точно: работу с мёртвыми, слово, повелевающее чужой волей, и проклятых детей — тех, кто родился со знаком, который не вымолить и не срезать. За малую магию не приходил никто. За запрещённую приходили быстро — и молча.

Быть пятой оказалось легче, чем быть первой: за спиной уже стояли четверо, которые выжили. «Пока — выжили», — поправила она себя и уснула первой за много недель — не досчитав до конца одной молитвы.

— Сегодня и завтра — подготовка.

Роран поднял бровь.

— К чему именно?

Крестоносец уже встал.

— К болоту. Следующие дни превратились в тяжелую, выматывающую подготовку.

Элиана тренировала контроль маны — повторяла молитвы до изнеможения, училась удерживать исцеление дольше и точнее. Альдрен создавал новые смеси: против разложения, ядов, и экспериментальные составы против нежити. Роран и Трисс тренировались вместе. Он учил её быстро двигаться в ближнем бою, работать кинжалом, не теряться в тесном пространстве. Она — стрельбе в движении и из неудобных позиций. Поначалу Трисс постоянно сбивалась и краснела от неуверенности, но быстро прогрессировала. Роран только усмехался.

— Видишь? Не так уж сложно. Главное — не умирать.

Трисс кивала. Крестоносец в это время тренировался отдельно. Тяжёлый меч рассекал воздух с глухим свистом. Каждый удар был ровным, методичным, без лишних движений. Он не разговаривал. Только работал. И с каждым днём становился немного сильнее. Будто готовился к тому, что болото не просто скрывает источник болезни… а ждёт их с самого начала. Вечером, когда подготовка к будущему походу уже была почти завершена, в таверну вновь пришла Ливия.

Она выглядела еще более уставшей, чем в прошлый раз — будто сама вечная ночь давила на нее сильнее, чем на остальных.

— Есть дополнительное распоряжение, — сразу сказала она без приветствия.

Роран тяжело вздохнул.

— Я уже чувствую, что мне это не понравится.

Ливия развернула свиток.

— Перед походом на болота вы должны зачистить одно из активировавшихся подземелий.

Тишина повисла мгновенно.

Элиана нахмурилась.

— Снова подземелье?

Альдрен поднял взгляд.

— Их появление ускорилось…

Ливия кивнула.

— Отряды не успевают за их распространением. Это приоритет церкви.

Крестоносец выслушал. Потом коротко произнес:

— Принято.

Роран раздраженно откинулся на спинку стула.

— Конечно. Болото подождет, а вот очередные скелеты — нет.

Утром Крестоносец ушел молиться.

Он стоял в пустой часовне недолго. Без лишних слов. Только тишина и холодный камень вокруг. После молитвы он вернулся к отряду. Они уже собирались. Элиана проверяла свои молитвенные печати. Альдрен аккуратно раскладывал склянки. Роран зевал, опираясь на стену. Трисс стояла чуть в стороне, явно нервничая. Альдрен подошел к ней.

— Ты справишься, — спокойно сказал он.

— Страх нормален. Главное — не позволять ему управлять действиями.

Он протянул ей небольшой пучок полевых цветов, найденных утром по дороге.

— Это… для концентрации.

Трисс удивленно взяла их.

— Спасибо…

Она мягко улыбнулась. Эта улыбка была короткой, но искренней. И все же её взгляд снова, почти непроизвольно, задержался на Крестоносце. Роран это заметил сразу.

— О-о… — протянул он с ухмылкой. — Похоже, у кого-то уже есть любимый герой.

Трисс резко смутилась.

— Н-нет, я просто…

— Конечно-конечно, — перебил Роран.

— Мне тоже так в твои двадцать два казалось.

Трисс повернулась к нему.

— Тебе, между прочим, тридцать шесть. Ты мне в отцы годишься.

Роран рассмеялся.

— Вот именно! Я и говорю — жизненный опыт!

Элиана покачала головой. Крестоносец застегнул ремни на доспехе. Он не вмешивался. Но разговор он слышал. И это его никак не отвлекало. Лес встретил их влажной тишиной. Даже вечная ночь здесь казалась плотнее — будто деревья сами глушили любой свет, которого и так почти не было. Дорога к подземелью заняла несколько часов. По пути команда почти не говорила. Каждый думал о своем. Трисс шла чуть позади, стараясь держаться ближе к центру группы. Альдрен неожиданно отстал на пару шагов, заметив среди корней редкие болотные цветы. Он аккуратно сорвал несколько. И, немного поколебавшись, снова протянул их Трисс.

— Здесь… больше не будет возможности.

Трисс приняла их.

— Спасибо вам.

Она улыбнулась ему — уже теплее, чем раньше. Но затем её взгляд снова, почти незаметно, скользнул вперед. На Крестоносца. Роран это заметил и хмыкнул, наклонившись к нему.

— Святой, ты, кажется, стал местной достопримечательностью.

Крестоносец не ответил. Он лишь продолжал идти вперед. Элиана шла рядом, держа в руках небольшой запас вяленого мяса.

— На привале пригодится, — спокойно сказала она.

И группа продолжила путь. Глубже в лес. К подземелью, которое уже ждало их в темноте. Перед входом в подземелье Крестоносец остановился.

Глава 7. Лес без птиц

Лес вокруг был слишком тихим — даже по меркам этой вечной ночи. Воздух казался тяжелее обычного, будто сама земля рядом с входом дышала медленнее. Он посмотрел на отряд.

— Сделаем привал неподалеку.

Никто не возразил. Роран согласился первым.

— О, наконец-то нормальная идея.

Они отошли чуть глубже в лес, разожгли небольшой костер и распределили дежурства. Пламя давало слабый теплый свет, который едва отвоевывал пространство у темноты. Крестоносец поднялся.

— Я поищу что-нибудь съедобнее, чем вяленое мясо.

Роран усмехнулся.

— Главное, не приведи обратно ещё одно подземелье.

Крестоносец не ответил и ушел в сторону деревьев. Вернувшись спустя некоторое время с небольшой тушкой кабана, он молча остановился у костра. Трисс сидела ближе к огню, осторожно держа свой лук рядом. Она выглядела спокойнее, чем раньше, но всё ещё немного напряжённой. Крестоносец подошел ближе. И без лишних слов, слегка коснулся её головы железной перчаткой.

— Ты хорошо держишься.

Погладил он коротко, почти неуклюже.

Трисс застыла. Потом мгновенно покраснела и спрятала лицо за волосами.

— Я… спасибо…

Роран, сидевший чуть в стороне, медленно повернул голову.

— О-о-о… — протянул он. — Началось.

Он лениво откинулся назад, наблюдая за сценой с видом человека, которому внезапно показали нечто интереснее боя.

— Любовный треугольник в лесу у подземелья… классика.

Альдрен, не отрывая взгляда от огня, тихо наклонился к Рорану.

— Уступи мне место рядом с ней.

Роран фыркнул.

— Ты даже не скрываешься, да?

— Это наблюдение. Эмоциональные реакции важны для понимания поведения команды.

— Ага, ага, — пробормотал Роран и всё же слегка подвинулся.

Альдрен сел ближе к Трисс.

— Откуда ты родом? — спросил он спокойно.

Трисс, всё ещё немного смущённая после жеста Крестоносца, поправила волосы.

— Из столицы…из церкви.

Она сделала паузу.

— Меня туда привезли, когда я была маленькой. Во время войны рас…

Её голос стал тише.

— Я почти ничего не помню до этого. Огонь тихо потрескивал.

— Но кое-что помню. — Она поправила плащ и смотрела в огонь так, как вспоминают не место, а звук. — Монастырский двор. Каменные стены выше крыш. Нас, сирот, было много: нас учили молитвам, шитью и тому, как быть незаметными. Мы играли с детьми из города — у стены, через решётку. А за решёткой, на площади, каждый день тренировался один человек.

— Каждый день. С рассвета и до третьего колокола. С мечом — с обрубленным, у которого не было конца. Одни и те же удары, тысячи раз. Я думала: над ним смеются. Но никто не смеялся. Его боялись.

— Однажды я спросила, зачем он это делает. Он присел — так, чтобы быть с мной на одном уровне, — и ответил: «Чтобы защищать таких же детей, как ты. Которые страдают от войны».

Она замолчала. Пламя дёрнулось, и тени на лицах качнулись.

— После этого я наблюдала за ним три года. Он стал моим кумиром. Я просила наставников отправить меня туда, где он служит, — на подмогу, хоть прачкой, хоть писарем. Мне отвечали: подождёшь. Так и росла при монастыре. А когда пришло письмо о том, что его отряд пойдёт на юг... — она развела руками, — я попросилась сама.

— Я не знаю, он ли это. — Она подняла глаза на Крестоносца — тот стоял к костру спиной. — Лицо его я никогда не видела. Я видела только мальчишку с обрубленным мечом. Может, это кто-то другой. Но если это он — значит, молитвы всё-таки слышат.

Крестоносец стоял чуть в стороне, наблюдая за лесом. Роран посмотрел на него и хмыкнул.

— Интересная у нас теперь компания… ничего не скажешь.

И над привалом снова повисла та странная смесь спокойствия и напряжения, которая всегда предшествовала входу в подземелье. Роран, усмехнувшись, решил перевести разговор в другое русло.

— Слушай, Трисс… раз уж мы всё равно сидим тут и ждём, расскажи-ка про нашего «святого».

Он кивнул в сторону Крестоносца. Трисс на мгновение смутилась, но затем неожиданно оживилась.

— О господине Крестоносце?.. Её глаза чуть расширились — она что-то вспомнила.

— В Ордене говорят… он стал крестоносцем в шестнадцать лет. Но это предание — документов той поры не осталось.

Роран приподнял бровь.

— В шестнадцать? Он тогда ещё, наверное, даже не выглядел таким мрачным.

Трисс быстро покачала головой.

— Нет… он уже тогда был очень серьёзным.

Она прижала руки к груди, будто пересказывала легенду, которую знает наизусть.

— В Ордене его считают одним из сильнейших.

Альдрен уточнил:

— По какому критерию?

Трисс задумалась.

— По… выживанию в «Чистых Резнях».

Роран перестал улыбаться.

— Ого.

Трисс продолжила уже воодушевлённее:

— Он участвовал в войне за земли… в северных кампаниях.

— Говорят, он один выходил против отрядов, где остальные не выживали даже по трое.

Она замолчала на секунду — сама не веря словам.

— Его называли «Великий Крестоносец Морнграйма».

Роран медленно присвистнул.

— Ну теперь понятно, почему он такой… «разговорчивый».

Он бросил взгляд в сторону Крестоносца.

— Хотя по нему не скажешь, что он любит славу.

Трисс добавила:

— Он никогда не просил наград.

— Только приказы.

Огонь на секунду затрещал громче.

Крестоносец стоял спиной к костру. Он всё слышал. Но не обернулся. И в этот момент Трисс, немного поколебавшись, добавила ещё тише:

— И… он никогда не оставлял людей позади.

Роран ничего не сказал. Даже он на секунду перестал шутить. И над лесом повисла тишина — уже совсем иная, чем раньше. Огонь тихо потрескивал, разгоняя влажную темноту леса. Разговор постепенно перетекал от шуток к более тихим вопросам. Весталка Элиана, сидевшая ближе к костру, осторожно поправила край своего плаща и посмотрела на Трисс.

— А сколько ему лет?

Трисс на мгновение задумалась, вспоминая не сам факт, а обрывки услышанных когда-то слов.

— Неизвестно. В документах Ордена его возраста нет — дату клятвы стерли.

Роран хмыкнул.

— То есть даже бумагам Церкви доверять нельзя?

Элиана не улыбнулась.

— Значит, тайна даже для документов — значит, на то есть причина.

Трисс кивнула.

— Да. И если даже документы стерли — значит, кто-то очень хотел, чтобы это осталось тайной.

Альдрен, сидевший чуть в стороне, спокойно уточнил:

— Тогда должен быть известен его идентификатор в ордене. Или имя.

Трисс замолчала. И её уверенность исчезла — впервые за весь разговор. Она опустила взгляд.

— Я… не знаю.

Роран приподнял бровь.

— Как это — не знаешь?

Трисс сжала пальцы на рукаве.

— У него нет имени, которое можно было бы назвать.

Пауза.

— По крайней мере, мне его никогда не называли.

Элиана нахмурилась чуть сильнее.

— Даже в документах?

Трисс покачала головой.

— Его прошлое засекречено.

Она сделала короткую паузу, словно подбирая слова.

— И лицо… никто из нас не видел.

Роран присвистнул, уже без обычной легкости.

— То есть… он буквально «человек без имени»?

Альдрен спокойно добавил:

— Или имя известно только верхушке Церкви.

Трисс кивнула.

— Да. Огонь затрещал чуть громче, будто на мгновение отреагировал на напряжение в воздухе.

Роран перевёл взгляд в сторону Крестоносца, стоящего чуть поодаль.

— Весёлый у нас напарник… — пробормотал он. — Ни имени, ни лица, ни прошлого.

Элиана сказала:

— Иногда это не выбор.

Трисс добавила почти шёпотом:

— Но он всегда выполняет приказы.

И после этих слов разговор сам собой затих. Роран, усмехнувшись, решил перевести разговор в более лёгкое русло.

— Слушай, Трисс… раз уж ты так много знаешь про нашего «святого», расскажи-ка ещё кое-что.

Он лениво кивнул в сторону Крестоносца.

— Я вот думаю…он тебе случайно не нравится?

Вопрос повис в воздухе и сразу стало ясно, что произносить его не стоило.

На секунду стало тише, даже огонь потрескивал приглушённо.

Трисс резко смутилась.

— Я… нет! То есть…

Она сжала пальцы, не зная, куда деть взгляд.

— Я очень уважаю его.

Пауза.

— Как и всех в Церкви.

Роран прищурился.

— Уважение, значит… понятно-понятно.

Элиана спокойно отвела взгляд, делая вид, что её это не касается. Альдрен продолжал наблюдать за реакцией Трисс слишком внимательно, будто записывал её в голове. Крестоносец в этот момент вернулся к костру. Он сел на своё место, не вмешиваясь в разговор. Но взгляд его на секунду задержался на группе — и так же быстро ушёл в сторону леса. Роран, заметив это, тут же махнул рукой.

— Ладно-ладно, всё, вопросов больше нет.

И действительно замолчал. Дальше он занялся делом.

Крестоносец тем временем достал тушки кабана и начал готовить. Без лишних слов, аккуратно, будто это тоже часть боя — только другого. Постепенно запах еды разошёлся по лагерю. Даже Элиана, обычно строгая, кивнула:

— Дичь? Здесь? — Элиана посмотрела на тушки. — Лес же мёртв.

— Эти кормятся тем, что прячет земля: корнями, грибницей, падалью, — Крестоносец повернул мясо над углями. — Им свет не нужен. Но если убитое кормилось у воды — есть стоит с осторожностью.

— Неплохо.

Роран довольно хмыкнул.

— О, я не только дерусь, но и готовлю. Впечатляет, да?

— Ты это часто делал? — спросила Трисс осторожно.

Роран на секунду стал тише.

— Ну… да.

Он перевернул мясо над огнём.

— Когда-то я жил с бабушкой.

Она часто болела. Пауза.

— Приходилось кормить её, пока она сама не могла.

Он пожал плечами, но голос стал менее шутливым.

— А ты, док? — Роран повернулся к Альдрену. — Откуда такой взялся? Доктор, что крадёт у могилы, — это не профессия. Это призвание. Или безумие.

— Обычный парень. — Альдрен помешал угли прутом. — Здесь, в Тенебрисе. Отец — ювелир: с детства я привык, что если вещь сломалась, её надо разобрать и починить, а не молиться на неё. Учился я в столице. Друзей было немного, но они были. А когда я вернулся — пришла чума.

Он говорил ровно, как читают протокол. Оттого — страшнее.

— Я понимал: смерть приходит не молнией. Она приходит волной. Люди лечили как умели и хоронили как умели. А я стал считать. Дни, дома, улицы. У волны есть форма — значит, её можно перехватить. Я придумал метод. Держал волну своими руками — и чужими руками тоже. Когда она остановилась, в столице объявили: Господь смилостивился. О тех, кто держал волну, не объявили. Мою диссертацию Церковь запретила.

— Так и стал наёмником? — спросил Роран. — Ради денег?

— Ради денег. — Альдрен посмотрел на огонь. — Мне нужно золото на дом, в котором не берут платы. Ни с бедняка. Ни с бродяги. Ни с тех, у кого нет имён. Бесплатная лечебница. Для всех.

— Знаешь, — тихо сказала Трисс, — это самая невероятная мечта из всех, что я слышала. Потому что в неё хочется верить.

— Может, и не сбудется, — Альдрен вернул прут в огонь. — Но колодец копают до того, как захочешь пить.

Трисс кивнула. Крестоносец ничего не сказал, но взгляд его на секунду стал чуть внимательнее. Потом они ели. Без спешки. Почти спокойно — так давно не бывало. Когда еда закончилась, усталость взяла своё. Один за другим они начали расходиться от костра. Роран устроился ближе к огню. Элиана и Альдрен заняли свои места для отдыха. Трисс долго смотрела на огонь, прежде чем тоже лечь. Крестоносец остался последним. Он поднялся, осмотрел лес — и сел чуть ближе к краю лагеря, как всегда. И когда пламя стало слабее, один за другим все наконец уснули. Лес снова стал тихим.

Но уже не таким пустым, как раньше Утро встретило отряд густым туманом. Костер давно догорел, оставив после себя лишь теплые угли. Крестоносец поднялся первым. Как обычно, он проверил меч, закрепил на поясе свиток и флакон святой воды. Остальные тоже постепенно просыпались. Роран лениво потянулся.

— Ну что, снова вниз, к нашим старым знакомым?

Альдрен перебрал склянки, убедившись, что все на месте. Элиана проверила книгу молитв. Трисс натянула тетиву на лук. Перед самым выходом Крестоносец достал из сумки несколько чистых листов бумаги, чернила и небольшой кусок угля.

— Будем составлять карту подземелья.

Он протянул принадлежности Альдрену.

— Отмечай каждый коридор, каждую комнату и развилку. Если вернемся живыми, другие отряды смогут пройти безопаснее.

Доктор кивнул.

— Понял. Отряд направился ко входу. Каменные ступени снова уходили в непроглядную темноту. С каждым шагом становилось холоднее.

Трисс крепче сжала лук.

— Если честно... — призналась она, — у меня поджилки трясутся.

Роран улыбнулся.

— Это нормально. Если перед первым боем не страшно — значит, с головой что-то не так.

Элиана поддержала ее улыбкой.

— Мы рядом.

Крестоносец лишь коротко сказал:

— Держись за строем.

Они спустились еще ниже. Вскоре коридор вывел их в просторный каменный зал. Навстречу медленно повернулись семь скелетов. Пустые глазницы вспыхнули тусклым зеленым светом. Скелеты одновременно подняли оружие. Крестоносец сделал шаг вперед. Но вместо того чтобы атаковать первым, он посмотрел на Трисс.

— Покажи, чему тебя учили.

Эльфийка глубоко вдохнула. Она одним плавным движением наложила на тетиву сразу три стрелы. Роран удивленно присвистнул.

— Неплохо...

Трисс отпустила тетиву. Три стрелы одновременно рассекли воздух. Три скелета рухнули на каменный пол с пробитыми черепами. Оставшиеся четверо бросились на Крестоносца. Он встретил их спокойно.

Глава 8. Некромор

Первый удар меча скелета был отбит легким движением клинка. Второй — тоже. Третий. Четвертый. Сталь звенела одна за другой, но ни один удар не достиг цели. Казалось, Крестоносец заранее знал, куда будет направлен каждый выпад. Элиана невольно улыбнулась.

— Он стал еще сильнее... Пока скелеты пытались пробить его защиту, Трисс бесшумно исчезла из их поля зрения.

Она обошла врагов по широкому кругу. Скелеты были полностью сосредоточены на Крестоносце. Этим она и воспользовалась. Первая стрела пробила затылок одному из них. Вторая вошла точно между шейных позвонков следующего. Последних двух Трисс добила почти одновременно — одна стрела и быстрый удар кинжалом в основание черепа. Через несколько мгновений зал затих. Семь скелетов превратились в груды костей. Трисс медленно опустила лук. Она тяжело дышала. Это был ее первый настоящий бой. Крестоносец посмотрел на нее и кивнул.

— Хорошая работа. Для него это была высшая похвала.

Трисс почувствовала, как щеки снова начинают краснеть. Группа продвигалась глубже. Каменные коридоры становились уже, воздух — тяжелее, а тишина давила сильнее, чем раньше. За очередным поворотом их встретили всего трое скелетов. Они стояли неподвижно, будто ждали.

— Слишком просто, — пробормотал Роран. Но Крестоносец уже шагнул вперед. Меч сверкнул один раз. Первый скелет развалился на части. Второй не успел даже поднять оружие. Третий рухнул почти одновременно — точный, холодный удар, без лишних движений.

Тишина вернулась слишком быстро.

Роран нахмурился.

— Мне это не нравится…

Перед тем как отряд успел двинуться дальше, он подошел к стене комнаты.

— Тут что-то есть.

Элиана напряглась.

— Не трогай!

Но было поздно. В каменной нише оказался сундук.

Роран осторожно открыл его. Внутри лежали мешочки с золотом и странный амулет — темный металл с треснувшим красным камнем в центре.

— Ого… — присвистнул он. — Вот это уже лучше, чем просто костяные друзья.

Альдрен сразу склонился ближе.

— Амулет… нестандартный. Возможно, артефакт. И в этот момент свет в коридоре будто дрогнул. Из глубины подземелья донёсся тихий звук. Плач. Слабый, почти человеческий.

— Вы это слышали? — прошептала Элиана.

Роран резко обернулся.

— Да… и мне это очень не нравится.

Голос стал громче. Шепот, переходящий в крик.

— Кровавая… дева… И в тот же миг ловушка сработала. Стены по обе стороны коридора резко сдвинулись. Металл и камень, из которых выступили длинные шипы, выстрелили внутрь пространства.

Роран успел среагировать. Он резко отпрыгнул, но был задет — шипы прошли по бокам, разрывая одежду и царапая тело. Он инстинктивно прикрыл лицо руками.

— Черт…!

Он оказался зажат в узком пространстве между стенами. И в этот момент всё изменилось. Шум стих. И в его сознание, как яд, проник чужой образ. Старая женщина. Слабый голос. Его бабушка. Та самая, о которой он старался не думать.

— Роран… почему ты опять не пришел…

Он стиснул зубы.

— Нет… это не ты… это не ты…

Он понимал. Иллюзия. Ловушка разума. Но голос становился громче, ближе, реальнее. В это время впереди ситуация уже вышла из-под контроля. Из темноты коридора вырвались новые скелеты. Крестоносец мгновенно развернулся и пошел им навстречу. Меч поднялся.

— Назад. Коротко. Холодно. И он врезался в строй врагов. Сталь снова запела. Но за скелетами вышла фигура. Высокая, костлявая. С порванными кандалами на руках.

— грубый мешок, словно скрывающий лицо.

Он шел медленно, уверенно. И с каждым шагом его голос эхом расходился по подземелью:

— Зря… вы… сюда… пришли…

Альдрен побледнел.

— Это не обычный скелет…

Элиана сжала молитвенную книгу. А Крестоносец, не отводя взгляда от новой угрозы, коротко произнес:

— Тогда он первый, кого мы уничтожим.

Крестоносец резко повернул голову.

— Элиана! Помоги Рорану!

Голос был коротким, без лишних слов.

Там, где минуту назад сходились стены с шипами, теперь пульсировала полупрозрачная клетка из алых энергетических прутьев. Ловушка больше не пыталась раздавить — она держала.

Весталка Элиана кивнула и мгновенно рванула к месту, где Роран оказался зажат ловушкой. Она ударила по кровавой клетке своей булавой. Раз. Два. Трещины пошли по алым энергетическим прутьям, но конструкция не поддавалась.

— Она не ломается…! — выдохнула Элиана. В это время Крестоносец уже был в движении. Рывок.

Он перескочил через коридор прямо к скелету в кандалах. Но из темноты перед ним вырвались новые противники. Скелеты возникли один за другим, пытаясь остановить его. Сталь взорвалась движением. Крестоносец прорубил первого, второго, третьего — без паузы, без сомнений. Но в момент, когда он сделал шаг вперед…

— КЛАЦ. Чёрные цепи ударили из пола.

Они обвили его ноги. Затем — запястья. И потянули вниз с чудовищной силой. Скелет в мешке на голове остановился. Он стоял прямо перед ним. И впервые заговорил спокойно, почти без эмоций:

— Я — Некромор. Цепи усилили хватку.

Крестоносец попытался вырваться, но металл сжимался сильнее, будто реагируя на его сопротивление.

— Скажи мне… — продолжил Некромор, — своё имя.

Пауза.

Крестоносец молчал. Даже под давлением. Даже когда цепи начали подбираться к плечам.

— У тебя есть имя, — добавил Некромор.

— У всех есть.

Но ответа не последовало. Только тяжёлое дыхание за сталью шлема.

И в этот момент в другом конце зала Роран начал терять связь с реальностью. Иллюзия накрыла его полностью. Перед глазами исчез подземельный камень. Осталась только береговая линия.

Шум волн.

И они. Его сестра. Младшая, с красными волосами, стоящая у дома. И бабушка рядом. Обе смотрели на него спокойно, почти с надеждой.

— Останься с нами, — сказала сестра мягко.

— Здесь безопасно.

— Ты устал, — добавила бабушка.

— Тебе больше не нужно сражаться.

Роран опустил взгляд. Руки дрожали. На мгновение он действительно почти поверил.

— Я…

Тишина.

Он сделал шаг вперед. Будто к ним. Но затем резко остановился. Сжал зубы. И выхватил кинжал.

— Нет.

Его голос стал глухим.

— Вы… не настоящие.

И он сделал то, чего не хотел. Резкое движение. Кинжал прошёл сквозь иллюзию. Крик. Кровь — нереальная, но ощущаемая. Его лицо стало пустым. Холодным.

— Я своих напарников не бросаю.

И в этот момент иллюзия начала трескаться. А где-то рядом Крестоносец всё ещё был скован цепями Некромора — и бой только начинал входить в свою настоящую фазу. Цепи сжались сильнее.

Крестоносец опустил голову. Металл впивался в броню, в плоть под ней, будто пытался раздавить саму волю. И на мгновение он замер. В зале слышался только скрежет цепей и далекий шум боя — где Трисс и Альдрен с Элианой продолжали сдерживать поток скелетов. Некромор чуть наклонил голову.

— Ты держишься дольше остальных.

Крестоносец тихо выдохнул.

— Простите, господин архиепископ… мне придется это сделать.

Пауза.

Он опустил голос почти до шепота.

— Превозмогание.

И в тот же миг что-то внутри него сорвалось. Один из его глаз под шлемом вспыхнул алым — будто кровь и огонь смешались в одном взгляде. Цепи дрогнули. А затем Крестоносец начал рвать их. Не аккуратно. Не технично.

А с силой, которая ломала собственные суставы. Скрежет стали смешался с хрустом костей и металла. Рука — вывих. Плечо — треск. Но он продолжал.

— Ещё… — глухо выдохнул он.

Цепь на запястье лопнула. Затем вторая. Некромор впервые сделал шаг назад.

— Это невозможно… ты должен был…

Крестоносец резко дёрнулся вперёд. И мир вокруг него будто стал красным. Каждый удар его меча теперь был не техникой — а разрушением. Скелеты, окружавшие его, разлетались на части от одного взмаха. Он больше не защищался. Он давил. Он ломал. Он шел прямо на Некромора, как зверь, которому больше не важно собственное тело. И цепи снова попытались схватить его разум. Но Крестоносец резко повернул голову. И этот взгляд заставил Некромора на мгновение остановиться.

— Ты… не святой… — прошептал он. — Я и не был.

Крестоносец выхватил из сумки флакон. Святая вода. Он разбил его о собственную руку. С шипением свет прошёл по цепям. Магия начала распадаться. Металл темнел, трескался и рассыпался пеплом прямо в воздухе. Некромор отступил.

— Мана… уходит…

В это же время с другого конца зала раздался треск. Кровавая клетка дрогнула. И лопнула.

Изнутри вырвался Роран.

Он тяжело вдохнул — и понял, что раны исчезли. Иллюзия.

— Вот же… мерзость…

Он мгновенно поднял пистолет. И выстрелил. Две пули разошлись идеально. Некромор резко дёрнулся — обе руки были пробиты, заклинание сбилось.

— Сейчас! — крикнул Роран.

Трисс не медлила. Одна стрела — прямо в грудь.

Некромор успел поймать её рукой. Но в этот момент сзади ему в колено влетела Элиана — резким ударом булавы. Он пошатнулся. И в эту секунду Крестоносец уже был рядом. Последний шаг. Последний замах. —…! Удар был не красивым. Он был окончательным. Сталь опустилась. И Некромор рухнул на каменный пол. Цепи погасли. Подземелье на мгновение затихло — будто само не верило, что хозяин пал. Роран тяжело опустил пистолет.

— Ладно… это было близко.

Трисс выдохнула, опираясь на лук. Элиана медленно осенила себя знаком. А Крестоносец стоял над телом Некромора. Меч в его руке дрожал. Но он всё ещё стоял. И в этом подземелье впервые стало по-настоящему тихо. Тишина. После падения Некромора никто не радовался. Все слишком устали. По каменному полу медленно растекалась черная кровь некроманта. Элиана первой нарушила молчание.

Роран поднялся с земли. Посмотрел на Крестоносца — туда, где под шлемом дрожал меч.

— Свет в глазу. Что это было?

Молчание.

— Молчи. Только не делай так больше. Если сможешь.

— Нужно осмотреть тело.

Альдрен кивнул.

— Возможно, мы поймем, как появляются эти подземелья.

Весталка осторожно присела возле останков Некромора. Его тело уже начинало рассыпаться в черный прах. Она перевернула руку скелета булавой. Ничего. Потом решила осторожно убрать мешок с его головы. В этот момент торчавший из-под ткани тонкий костяной шип незаметно полоснул ей по пальцу.

— Ай…

На подушечке пальца выступила маленькая капля крови.

— Просто царапина, — спокойно сказала Элиана. Но уже через несколько секунд она почувствовала сильное жжение. По венам от пальца поползли тонкие черные прожилки. Рука начала дрожать.

— Что…

Она резко побледнела. Альдрен мгновенно оказался рядом.

— Не двигайся!

Он достал склянки. Одна за другой. Измельчил несколько трав. Прижал их к ране. Вылил очищающий настой. Затем еще один. Ничего. Черные жилы продолжали медленно расползаться по кисти.

Альдрен растерялся. Такого с ним не случалось годами.

— Не действует…

Он быстро сменил смесь. Еще одна попытка. Безрезультатно. Роран нервно посмотрел на него.

— Ну?!

Доктор тяжело сглотнул.

— Это не обычный яд…

Крестоносец подошел ближе. Посмотрел на руку Элианы. Затем коротко сказал:

— Уходим.

Никто не спорил. Трисс быстро подняла карту подземелья, которую они успели начертить. Роран забросил найденный сундук за спину. Альдрен помог Элиане идти. Крестоносец последним покинул зал. Когда весь отряд вышел из подземелья, тяжелые каменные двери сами собой захлопнулись. Будто ничего внутри никогда и не было. Лес встретил их холодным ветром. Но никто не чувствовал облегчения. Они победили. Однако победа оказалась неполной. Крестоносец посмотрел на почерневшую руку Элианы. Под шлемом он молчал. Но впервые за весь поход он почувствовал то, чего почти никогда себе не позволял. Тревогу. Отряд направился обратно к Тенебрису. Над лесом по-прежнему висела вечная ночь. А где-то далеко, за бесконечными деревьями и мертвыми болотами, уже зарождалась новая угроза. Подземелья продолжали появляться. Багряный вирус распространялся. И никто еще не знал, что смерть Некромора была лишь первым шагом к чему-то гораздо более древнему и страшному. К вечеру измученный отряд вернулся в Тенебрис. Город встретил их такой же мрачной тишиной, как и всегда. Люди, увидев окровавленных авантюристов, поспешно расступались.

Обратная дорога тянулась дольше прямой: сундук тяжелел с каждым шагом, а Элиана — слабела.

— Мёртвый, — сказал Роран, не оборачиваясь. — Мёртвый — и говорил.

Альдрен ответил не сразу.

— Не имя. Название. Мёртвое тело, в которое вложили чужой разум. — Откуда ты это знаешь? — Не знаю. Знаю, что так делали. Делают. — Кто? — Не «кто». — Альдрен посмотрел на свои руки. — Так делает тот, кто не считает людей за людей. И это не Церковь. И это не король.

Грубый мешок на голове некромора был полотном ручной работы — не из подземелья и не с оружия. А чёрные цепи, что держали его в зале, висели не так, как держат пленника: как держат реликвию. Обряд. Кто-то вёл обряд над мёртвым — и ни один свиток, который Альдрен успел выучить, такого обряда не описывал.

Роран помолчал. Потом спросил то, что боялся спросить: — Если таких делают... то следующий будет лучше? — Следующий будет тише, — ответил Альдрен. — А тише — значит, раньше.

У ворот стражник записал в журнал не дату победы. Он записал, что весталка прошла мимо с почерневшей до локтя рукой, и поставил пометку: «урон». Урон засчитывали домам, полям, трупам. Людям из отрядов — впервые.

Амулет из сундука Роран машинально перехватил глубже в сумку. Альдрен взглянул на него: — Не добыча. Деталь. — Деталь чего? — Пока не знаю. Детали не рассказывают — они собираются.

За ночь тварь обросла деталями. В тавернах её уже видели на сто ладов: у неё было красное платье, лицо девочки и голос, которым она звала по имени. Слух не умеет ничего выдумывать — только подставлять: к любому имени приставляет своё.

Заметили было и другое: никто не говорил, что она убила. Все говорили, что она позвала. Страх с именем живёт дольше страха без имени.

У страха всегда есть имя. Это его самое надёжное оружие.

Глава 9. Святая вода

Некоторые благодарили их за победу над подземельем, но радость быстро исчезала, стоило взглянуть на побледневшую Элиану. Её состояние ухудшалось с каждым часом. Черные прожилки уже поднялись выше кисти. Она с трудом держалась на ногах.

— В лазарет! — крикнул один из городских стражников.

Альдрен и Роран подхватили Элиану под руки и поспешили туда. Крестоносец же неожиданно свернул в другую сторону.

— Куда ты? — окликнул его Роран.

— В церковь.

Высокий храм встретил его привычной тишиной. Но главного священника, с которым он разговаривал прежде, внутри не оказалось. Вместо него к Крестоносцу подошла молодая святая сестра в белом одеянии.

Она почтительно поклонилась.

— Чем Церковь может помочь вам, брат?

Крестоносец ответил сразу.

— Мне нужна святая вода.

Девушка вопросительно посмотрела на него.

— Для чего?

— Весталка моего отряда отравлена неизвестным проклятием.

— Обычное лекарство не поможет. Лицо сестры стало серьезнее.

Она ненадолго ушла в соседнее помещение. Оттуда донеслись приглушенные голоса. Через несколько минут она вернулась. Но в её руках ничего не было. Она виновато опустила глаза.

— Простите...

Крестоносец молча ждал.

— Старшие братья отказали.

Он не шелохнулся.

— Святая вода слишком ценна.

Пауза.

— Они сказали...что весталка недостаточно важный служитель Света, чтобы расходовать на неё столь редкую святыню. В храме повисла тишина. Тяжелая.

Пока в храме висела тишина, взгляд Крестоносца зацепился за дальний придел. Там, у бокового алтаря, стояла девочка в белом. Молодая — старших ступеней учения она ещё не окончила, а молитву держала так, как держат, когда ожидание стало профессией.

Ей было около шестнадцати. Этой зимой Церковь объявила её святой — за три месяца до окончания учения, не дожидаясь, чем кончатся ступени. Весталок причисляли к лику посмертно: святость забирали из могилы. Здесь впервые живую возвели над алтарём — и в храме это никого не удивило. За последний год ничего уже не удивляло.

Слухи ходили ровные, как течение канала: дважды за сезон за святой приезжала свита из столицы. По приказу самой Серафимы — так говорили, не понижая голоса. Девочку увозили на неделю, иногда на две; возвращалась она тихой, а в молитвеннике у неё появлялась новая закладка. Никто не спрашивал, зачем святой столица. Слишком часто для такой малой — и слишком часто, чтобы это было случайностью.

Крестоносец не отводил глаз. Весталке, умиравшей от проклятия, в святой воде отказали — святыня слишком дорога для недостаточно важного служителя Света. А святой не было ценно ничего: ни воды, ни вопроса, ни защиты её молодости от чужих глаз. В одной и той же религии жили оба ответа, и оба считались милостью.

Крестоносец помедлил.

— Отец Матфей. Он в храме?

Сестра опустила глаза.

— Уехал в столицу ещё до того, как совсем стемнело. С тех пор известий не было.

Крестоносец неподвижно смотрел на алтарь. Затем развернулся.

Не сказав ни слова. Святая сестра лишь печально проводила его взглядом. Когда он пришел в городской лазарет, остальные уже ожидали его у входа.

Роран первым поднялся навстречу. По его лицу было понятно — новости плохие.

— Ну?

Крестоносец покачал головой.

— Церковь отказала.

Трисс опустила взгляд. Альдрен устало снял окровавленные перчатки.

— Лекари сделали всё, что могли.

Он посмотрел на Крестоносца.

— Они говорят, что не смогут её спасти.

Роран сжал кулаки.

— Совсем?

— Если не вмешается Церковь... — тихо ответил Альдрен. — Она умрет. За дверью палаты было тихо.

Элиана уже спала. Или просто потеряла сознание. Черные жилы продолжали медленно расползаться по её руке. Никто не произносил ни слова. Первым тишину нарушил Роран.

— Значит...

Он поднял голову.

— Украдем.

Альдрен удивленно посмотрел на него.

— Что?

— Святую воду.

Трисс испуганно выдохнула.

— Ты с ума сошел?

— Пусть так.

Роран посмотрел прямо на Крестоносца.

— Если они не хотят спасать своего человека...

— Тогда мы сами это сделаем.

Крестоносец резко ответил:

— Нет.

— Это святыня.

— Мы не имеем права её красть.

Роран шагнул ближе.

— А они имеют право оставить её умирать?

Ответа не последовало.

— Ты всю жизнь выполняешь приказы, — продолжил разбойник уже спокойнее.

— Но сейчас вопрос простой.

Он указал на дверь палаты.

— Что для тебя важнее?

— Закон...

— Или жизнь твоего товарища?

Крестоносец молчал. Под шлемом его дыхание стало тяжелее. Он вспомнил все походы. Все смерти. Все слова архиепископа о защите невинных. Прошло почти полминуты. Наконец он медленно поднял голову. И впервые за весь этот путь согласился с Рораном.

— Мы никого не убиваем.

— Не причиняем вреда служителям Церкви.

Он посмотрел на каждого члена отряда.

— Берем только святую воду.

Роран облегченно улыбнулся.

— Вот теперь это уже похоже на план.

Впервые за много лет Крестоносец собирался нарушить закон собственной Церкви. Не ради себя. А ради того, чтобы спасти жизнь своего товарища.

План придумал Роран.

Когда все немного успокоились, он разложил на столе лист бумаги и углем набросал примерный план городской церкви.

— Я ведь не зря был разбойником, — усмехнулся он.

— Богатые люди редко любят хорошие замки. Обычно они надеются на честность окружающих.

Он указал на заднюю часть здания.

— Здесь черный вход. Через него заходят священники, послушники и люди, которые привозят припасы. Ночью там почти никого нет.

Трисс внимательно слушала.

— А если нас заметят?

— Тогда бежим, — спокойно ответил Роран.

— Но лучше сделать так, чтобы никто нас вообще не увидел.

Он посмотрел на Крестоносца.

— Ты с нами не идешь.

Крестоносец поднял голову.

— Почему?

— Потому что тебя здесь знают.

Роран скрестил руки.

— Если поймают меня — скажут: «Разбойник опять за старое.»

Он усмехнулся.

— Если поймают тебя... Улыбка исчезла.

— Церковь может лишить тебя звания. А то и объявить еретиком. В комнате повисло молчание.

— Я пойду один, — твердо сказал Крестоносец.

— Нет, — впервые резко возразила Трисс.

— Нельзя. Даже Альдрен поддержал ее.

— Сейчас твое имя слишком важно. Если тебя обвинят в краже церковной реликвии, последствия будут ужасными.

Роран выпрямился.

— Поэтому иду я.

Он перевел взгляд на Трисс.

— Ты будешь стоять у двери. Если кто-нибудь появится — предупредишь.

— Хорошо.

— Альдрен...

Доктор сразу понял.

— Я останусь возле Элианы.

Он посмотрел на палату.

— Если ей станет хуже, меня не должно быть далеко.

План был составлен. До наступления темноты никто не расходился. Кроме Крестоносца.

Он вышел из лазарета и направился в таверну. Несмотря на усталость, работа была выполнена. За стойкой его уже ждала Ливия. Увидев рыцаря, она искренне улыбнулась.

— Вернулся.

Крестоносец положил на стойку карту подземелья. Ливия внимательно просмотрела ее.

— Отличная работа.

Она достала небольшой кожаный мешочек.

— За зачистку подземелья...

Она высыпала на стол монеты.

— Пятьдесят серебряных.

Крестоносец посмотрел на награду. Пятьдесят. Когда он служил в столице, за подобные задания Орден выплачивал в несколько раз больше. Но он ничего не сказал. Деньги сейчас значили меньше всего. Ливия заметила его взгляд.

— Понимаю.

Она тяжело вздохнула.

— Тенебрис почти разорен. Мы платим столько, сколько можем.

Она достала чистый лист.

— Но я уже составляю прошение министру королевства. Перо быстро заскрипело по бумаге.

— Ваш отряд заслуживает полноценной награды.

Крестоносец кивнул.

— Благодарю.

Он убрал монеты в поясной кошель и вышел. К тому времени над городом окончательно опустилась вечная ночь. Улицы опустели. Лишь редкие фонари освещали каменную мостовую. У задней стены церкви уже стояли две темные фигуры. Роран проверил кремневый пистолет, спрятал кинжал под плащ и усмехнулся.

— Ну что...

Он посмотрел на Трисс.

— Время вспомнить старую профессию.

Трисс нервно сжала лук.

— Постарайся не попасться.

— Постараюсь.

Роран бесшумно скользнул к черному входу церкви. Его настоящее дело только начиналось. Роран словно растворился в темноте. Черный вход оказался не заперт — его удерживал лишь простой засов. Нескольких секунд хватило, чтобы старые навыки взяли верх. Он бесшумно оказался внутри. Церковь ночью была совсем иной. Не было ни молитв, ни прихожан. Лишь мерцали одинокие свечи, а по длинным коридорам медленно прохаживались двое послушников. Роран дождался, пока они скроются за поворотом. Только после этого он скользнул дальше.

— Спасибо, бабуля... — едва слышно прошептал он. — Не зря ты учила меня ходить так, чтобы половицы не скрипели.

Он быстро нашел небольшую кладовую. За тяжелой дубовой дверью стояли деревянные стеллажи, а на одном из них — несколько серебряных сосудов со святой водой. Роран осторожно снял только один.

— Больше брать нельзя...

Он посмотрел на остальные.

— Иначе поймут, что это было ограбление, а не пропажа.

Аккуратно завернув сосуд в ткань, он так же бесшумно покинул церковь. Снаружи его уже ждала Трисс.

— Получилось?

Роран показал сверток.

— Получилось.

— Тогда быстрее.

Ночью они вернулись в лазарет.

Альдрен не отходил от постели Элианы. Ее дыхание стало тяжелее, а черные прожилки уже поднимались почти до плеча. Когда вошли Роран и Трисс, Крестоносец сразу понял все без слов. Разбойник протянул сосуд. Крестоносец смотрел на святую воду. Потом произнес:

— Господи... если я согрешил... пусть наказание падет только на меня.

Когда молитва окончилась, в памяти Крестоносца снова прозвучали слова отца Матфея. «Первым поднимутся мертвецы...» Вторая страница начиналась прямо здесь.

Он осторожно приподнял голову Элианы. Несколько капель святой воды коснулись ее губ. Почти сразу черные прожилки начали светлеть. Словно сама тьма отступала. Через несколько минут дыхание Весталки стало ровнее. Альдрен облегченно выдохнул.

— Она будет жить...

Никто ничего не сказал. Но впервые за эти дни все почувствовали надежду. Утром Элиана открыла глаза.

Она выглядела очень слабой, но черные прожилки почти исчезли. В этот же момент двери лазарета распахнулись. Внутрь вошли несколько служителей Церкви. Их лица были суровыми.

— Ночью из храма исчез сосуд со святой водой. Старший священник посмотрел прямо на Крестоносца.

— Нам сообщили, что вчера вы просили выдать ее.

Роран чуть прищурился. Сообщили. Так быстро. Столичный брат, ушедший из таверны первым, работал быстрее, чем казалось.

Крестоносец спокойно ответил:

— Мне отказали.

— Вам известно, кто совершил кражу?

— Нет.

Священник внимательно смотрел на него. Но по голосу невозможно было понять, лжет ли рыцарь. В этот момент в помещение вошла Ливия.

— Крестоносец не мог ничего украсть.

Все повернулись к ней.

— Вчера вечером он был со мной в таверне. Мы составляли отчет и документы для награждения отряда.

Она уверенно встретила взгляд служителей.

— Он ушел уже после наступления ночи. Священники переглянулись. Один из них перевел взгляд на Рорана.

Разбойник только лениво пожал плечами.

— Что? Подозрение читалось на лицах всех.

Но доказательств не было. Старший священник холодно произнес:

— Мы еще вернемся к этому разговору.

После чего служители развернулись и ушли.

К вечеру Крестоносец собрал весь отряд.

— Неделя отдыха.

Все удивленно посмотрели на него.

— За это время каждый станет сильнее.

Никто не возражал. Так началась самая спокойная неделя с момента их прибытия в Тенебрис. Роран решил не тратить время зря. Один из странствующих магов обучил его простому заклинанию сокрытия. Теперь на несколько секунд он мог сливаться с тенями. Во время тренировочного поединка он несколько раз исчезал прямо перед Трисс.

— Попробуй попасть!

Он возникал сбоку. Потом сзади. Но после каждого применения заклинания его движения становились менее уверенными. Он спотыкался, терял равновесие и тихо ругался.

Заклинание опустошало так же, как молитвы Элианы: та самая мана, о которой она говорила в первую встречу. «Колодец один, — сказал ему странствующий маг. — Что молитва, что заклинание — черпают из него. Расходуешь — жди, пока наполнится. Только в бою ждать некогда. Потому маг в бою и умирает первым».

— Вот ведь... магия есть магия.

Трисс быстро привыкла к его уловкам. Она тренировалась с утра до вечера. Стрелы летели все быстрее. Все точнее.

Глава 10. Приказ Церкви

В конце недели она уже попадала в небольшие деревянные мишени почти без промаха, даже когда они раскачивались на ветру. Альдрен почти не покидал свою комнату. Столы были заставлены травами, порошками и колбами. После десятков неудачных опытов он наконец получил густой темно-зеленый яд. Во время испытаний на останках чудовищ вещество быстро разъедало зараженную плоть.

Первые дни недели прошли тихо. Потом за Крестоносцем прислал гонец.

— Глава города просит зайти. По официальной части.

Кабинет главы города оказался выше и скромнее, чем он ожидал. Стопки бумаг, карта Тенебриса у стены, окно на площадь. Никакой роскоши — только порядок.

— Садитесь. — Она подняла голову от бумаг. — Доклад о некроморе я читала. Церкви — своё, городу — своё. Меня интересует другое: эта тварь гнездилась под самым городом. Таких больше нет?

— Нет. Гнездо проверено.

Она кивнула и налила чай. Две чашки, без единого вопроса. Одну пододвинула ему.

Крестоносец посмотрел на чашку. Потом взял её и выпил — не спеша, до дна.

— Я думала, вы ничего не пьёте.

— Воду пью.

— Справедливо. — Она чуть улыбнулась. — Значит, есть то, от чего вы не откажетесь. Полезно знать главе города.

Крестоносец поставил чашку и поднялся.

— Если доклад окончен — я пойду.

— Окончен. — Она вернулась к бумагам и добавила, не поднимая головы: — Чай по утрам у меня всегда горячий. Дверь открыта. Без докладов — тоже.

— Против обычных людей использовать нельзя, — тихо сказал он.

— А вот против некоторых монстров... должно работать.

Элиана полностью посвятила себя молитвам. Она заново училась управлять своей маной. Теперь ее исцеление стало сильнее, а расход сил — меньше. Лишь Крестоносец почти не менял распорядка. С рассвета и до позднего вечера над тренировочным двором звучали тяжелые удары его меча. Сотни. Тысячи. Каждый взмах был таким же точным, как предыдущий. Он тренировался до тех пор, пока руки не начинали дрожать. И только тогда останавливался. В последний день отдыха в таверну вошел церковный посыльный. Он молча передал Крестоносцу запечатанное письмо. Рыцарь вскрыл печать. Внутри было всего несколько строк. «Если расследование подтвердит, что святую воду похитил Роран, бывший разбойник, он будет признан еретиком и врагом Церкви. В таком случае долг Крестоносца — привести приговор в исполнение собственноручно.»

Письмо принесли в тот же вечер — столичный гонец, запылённый до серого. В Тенебрис таких не приглашали: столица не писала в провинцию, столица просто приезжала сама.

Гонец был молод и слишком нов, чтобы скрывать страх: в столице письмо такого формата везут только те, кто хочет пережить дорогу. Металлическая трубка, сургуч, двойная печать. Он не сказал ни слова — положил трубку на стол и вышел, не дожидаясь расписки.

Внутри лежал лист канцелярской выделки — не письмо: документ. Формулы Крестоносец узнал раньше, чем дочитал: «Силой вверенной нам власти...», «вина будет установлена...», «доставить для суда». Слова, которые с амвона обращают к Господу. Здесь они обращались к человеку.

Внизу стояла помета «собственноручно» — и она была настоящей: почерк, который не доверяют писарям, не доверяют и копировщикам. Так подписывают то, за что собираются отвечать. Или то, что не собираются отменять.

Под орденской печатью была вторая. Не церковная — светская. И помета на полях, короткая, не для протокола: «К исполнению. Серафима».

Крестоносец знал эту подпись при дворе. Орден не испрашивал дозволения у королевской крови. Значит, эта подпись означала не дозволение. Она означала соучастие.

Крестоносец долго смотрел на письмо. Он еще раз перечитал последние строки. «Если вина Рорана будет доказана... привести приговор в исполнение собственноручно.» Под шлемом он закрыл глаза. Перед ним промелькнули воспоминания. Как Роран прикрывал его в бою. Как нес его на своей спине через лес. Как, не раздумывая, рискнул всем ради спасения Элианы. Впервые за долгое время в нём шевельнулось сомнение. Если приказ действительно поступит... Что окажется сильнее? Присяга, данная Церкви... Или верность человеку, которого он начал считать своим товарищем? Но затем Крестоносец вспомнил слова, которые ему повторяли с шестнадцати лет. «Долг выше чувств.» «Милосердие не должно становиться слабостью.»

«Приказ Церкви — воля Света.» Он медленно сжал письмо в кулаке. На сердце стало тяжело. Если этот день действительно наступит... Ему придется собственноручно убить человека, которого он начал уважать.

— Да простит меня Господь... — произнес он.

Неделя отдыха закончилась.

Утром Крестоносец собрал весь отряд.

— Выступаем.

Никто не спорил. Все уже знали свои обязанности. Но прежде чем выйти за город, Крестоносец неожиданно свернул к небольшой лавке алхимика. За деревянной стойкой сидел пожилой торговец.

— Пять лечебных зелий.

Старик выставил на прилавок пять небольших красных флаконов. Заплатив серебром, Крестоносец убрал их в сумку. Когда он вернулся к отряду, то раздал каждому по одному пузырьку.

— Использовать только в крайнем случае.

Роран покрутил флакон в руках.

— Надеюсь, не пригодится.

— Надейся, — коротко ответил Крестоносец. Не хватало только Альдрена. Чумной доктор появился спустя несколько минут.

Крестоносец сразу заметил опоздание.

— Ты задержался.

— Да...

Доктор немного смутился.

— Нужно было зайти в одно место. На самом деле перед походом он заглянул в единственную ювелирную лавку Тенебриса.

Хозяин долго копался в старых шкатулках, пока наконец не достал маленькую бархатную коробочку. Открыл крышку — внутри что-то блеснуло и тут же скрылось в тени.

— Последняя хорошая работа моего сына, — грустно сказал ювелир.

— До того как его утащили чудовища...

Альдрен долго смотрел на украшение. Цена была огромной. Почти все его накопления. Но он все равно положил на прилавок мешочек с серебром. Уходя, он бережно спрятал коробочку во внутренний карман плаща. Теперь он постоянно ощущал ее рядом с сердцем. Крестоносец ничего не спросил. Но недовольство все же прозвучало.

— Перед заданием нельзя отвлекаться.

Альдрен виновато опустил голову.

— Больше не повторится.

На этом разговор закончился.

Через несколько часов отряд снова стоял у входа в подземелье. Факелы вспыхнули один за другим.

Крестоносец первым вошел внутрь. Как и прежде, сырой воздух пах плесенью и смертью. Не успели они пройти и сотни шагов, как из темного коридора раздался знакомый треск костей. Двенадцать скелетов.

— Построение! — спокойно скомандовал Крестоносец.

Все мгновенно заняли свои места.

— Трисс — задний ряд.

— Элиана — за мной.

— Альдрен, следи за флангами.

— Роран, прикрывай лучницу.

Скелеты бросились вперед.

— Сейчас!

Трисс первой выпустила две стрелы. Обе нашли глазницы первых скелетов. Роран исчез в короткой вспышке заклинания. Растворившись в тени, он появился сбоку и ударил кинжалом одного из врагов в основание черепа. Правда, после использования магии едва не потерял равновесие.

— Опять... — проворчал он, удержавшись на ногах.

Крестоносец уже встретил основную волну. Его меч двигался спокойно и точно. Не было лишних ударов. Каждый взмах ломал очередного скелета. Один попытался зайти сбоку.

— Альдрен! Чумной доктор мгновенно бросил колбу. Стекло разбилось. Ядовитая смесь растеклась по костям, разъедая их темной пеной. Скелет рухнул. Еще двое прорвались вперед.

Элиана шагнула навстречу и тяжелой булавой раздробила одному колено. Второго добил Крестоносец. Бой закончился всего за несколько минут. Без единого ранения.

— Отлично, — коротко сказал Крестоносец.

И они двинулись дальше. Во втором зале их встретили лишь несколько скелетов. После слаженной атаки они рассыпались почти мгновенно. Зал оказался неожиданно просторным. Посреди него находился старый каменный фонтан. Вода в нем оставалась удивительно прозрачной. В самом центре возвышалась древняя статуя неизвестного рыцаря.

Крестоносец подошел ближе. Роран присел возле воды.

— Странно...

Он зачерпнул немного в ладонь.

— Не пахнет гнилью.

Крестоносец внимательно осмотрел статую.

— Будьте осторожны.

Тем временем Элиана и Трисс уже расстилали небольшой походный коврик.

— Нужно немного передохнуть, — улыбнулась Элиана.

Трисс достала хлеб, сыр и вяленое мясо. Она начала разливать воду по кружкам. Наконец в этом мрачном месте стало удивительно спокойно. Небольшой костер тихо потрескивал прямо посреди древнего зала. Все ненадолго забыли, что находятся глубоко под землей. Лишь Альдрен сидел немного в стороне. Он осторожно достал из внутреннего кармана маленькую бархатную коробочку. Открыл — что-то внутри тихо блеснуло в свете огня. Он крепче сжал коробочку в ладони. Сердце билось быстрее, чем перед любым боем. Он никак не мог решиться. Подарить это Трисс сейчас... Или дождаться, пока они выберутся из этого проклятого подземелья живыми. Костер спокойно потрескивал посреди огромного каменного зала. Отряд мог наконец немного перевести дух. Роран уже доедал кусок жареного мяса, Трисс сидела рядом с

Элианой, а Крестоносец продолжал осматривать фонтан. Именно тогда Крестоносец заметил странное поведение Альдрена. Чумной доктор сидел чуть поодаль. Он то и дело запускал руку под плащ, будто проверяя, лежит ли там что-то ценное. Потом снова быстро убирал ее.

Крестоносец некоторое время наблюдал молча. После чего встал. Тяжелые шаги лат эхом разнеслись по залу. Он остановился прямо перед Альдреном.

— Что ты скрываешь?

Доктор вздрогнул.

— Ничего.

— Ложь.

Крестоносец скрестил руки на груди.

— Ты нервничаешь с самого утра.

Альдрен отвел взгляд.

— Просто... устал.

— Покажи.

Доктор крепче прижал руку к внутреннему карману плаща.

— Не могу. Наступила неловкая тишина.

Крестоносец продолжал неподвижно стоять над ним.

— Это может навредить отряду?

— Нет.

— Это запрещенный яд?

— Нет.

— Новый эксперимент?

— Нет.

Крестоносец слегка наклонил голову.

— Тогда объясни.

Альдрен только покраснел и упрямо покачал головой.

— Не сейчас...

За этой сценой уже наблюдал Роран. Сначала он пытался сдерживаться. Потом прыснул со смеху. Через несколько секунд он уже держался за живот.

— Ой... не могу...

Крестоносец медленно повернулся к нему.

— Что смешного?

Роран вытер выступившие от смеха слезы.

— Ты...ты правда не понимаешь?

Молчание.

— Совсем?

Крестоносец продолжал смотреть на него совершенно серьезно.

— Нет.

Роран расхохотался еще сильнее.

— Святой Свет...

— Наш командир может определить, с какой стороны нападут три десятка скелетов...

— Но не может понять, почему молодой парень всю неделю ходит красный и постоянно что-то прячет под плащом! Даже Элиана улыбнулась.

Трисс опустила голову, уже начиная догадываться, о чем идет речь. Альдрен окончательно смутился.

— Роран...

— Молчу, молчу!

Разбойник поднял руки.

— Сам потом расскажешь.

Крестоносец перевел взгляд с одного на другого. Потом спокойно произнес:

— Я по-прежнему ничего не понимаю. Эта фраза окончательно добила Рорана.

Он уже смеялся так громко, что едва не свалился на каменный пол.

— Нет... всё... сдаюсь...

Он сделал глубокий вдох.

— Командир... иногда ты страшнее любого чудовища.

— Но в таких вещах ты совершенно безнадежен.

Крестоносец еще несколько секунд смотрел на смеющегося разбойника.

Потом лишь пожал плечами.

— Если это не угрожает выполнению задания...

Он спокойно вернулся к изучению фонтана. Роран проводил его взглядом и, все еще улыбаясь, сказал Альдрену:

— Когда выберемся отсюда живыми... обязательно подари ей это.

— Только в следующий раз прячь их получше.

Альдрен неловко улыбнулся.

— Постараюсь.

А Трисс, делая вид, что ничего не слышала, тихонько улыбнулась в кружку с горячим травяным отваром.

Крестоносец еще раз внимательно посмотрел на фонтан.

Что-то не давало ему покоя.

Глава 11. Король мертвецов

Он поднял с пола бедренную кость одного из недавно поверженных скелетов и медленно опустил ее в прозрачную воду. Ничего не происходило. Затем вода мягко засветилась золотистым светом. Кость зашипела. По ней побежали тонкие светящиеся трещины, и уже через мгновение она начала рассыпаться белым пеплом, словно ее очищало само пламя Света. Роран удивленно присвистнул.

— Вот это...

Крестоносец молча вынул остатки кости. От нее почти ничего не осталось.

— Святая вода.

Элиана тоже подошла к фонтану. Она осторожно коснулась воды рукой и закрыла глаза.

— Да... Я чувствую благословение.

Крестоносец сразу открыл походную сумку.

— Достаньте все пустые склянки.

Никто не стал задавать вопросов. Вскоре весь отряд начал искать свободные бутылочки, флаконы и небольшие колбы. Даже Альдрен освободил несколько склянок, вылив старые смеси.

— Такой воды я еще никогда не видел, — пробормотал он.

Крестоносец аккуратно наполнял каждую емкость.

— Не пролейте ни капли.

Через несколько минут у них оказалось несколько сосудов со святой водой. Лишь после этого Крестоносец позволил себе немного отдохнуть.

Он сел возле костра рядом с остальными. Подземелье снова погрузилось в удивительное спокойствие. Пламя тихо потрескивало. От горячего мяса шел приятный запах. Некоторое время все ели молча. Но затем Альдрен случайно встретился взглядом с Трисс. Она слегка улыбнулась. Доктор моментально отвел глаза. Через несколько секунд снова посмотрел. И снова смутился. Роран наблюдал за этим уже несколько минут. Наконец он рассмеялся.

— Эх... молодежь.

Альдрен окончательно покраснел.

— Роран...

— Что? Я же ничего не сказал.

Элиана улыбнулась.

— Любовь всегда делает людей немного смешными.

Она ненадолго задумалась.

— Когда я только поступила в Церковь... мне тоже нравился один молодой паладин.

Все повернулись к ней.

— Правда? — удивилась Трисс.

Элиана усмехнулась.

— Правда.

— Он был очень добрым... всегда помогал мне носить книги.

— А потом его отправили на север.

Она опустила взгляд.

— Больше я его никогда не видела.

На несколько секунд наступила тишина.

Чтобы сменить тему, Роран хлопнул ладонями по коленям.

— Ну раз уж начали...

Он ухмыльнулся.

— Мне тоже когда-то нравилась одна разбойница.

Все посмотрели на него.

— Рыжая.

— Вечно меня обыгрывала в карты.

— Один раз даже украла мой собственный кошелек и потом продала мне его обратно.

Трисс тихонько засмеялась.

— И чем все закончилось?

— Тем, что она сбежала с капитаном какого-то корабля.

Роран пожал плечами.

— Надеюсь, хоть не обокрала его.

Все дружно улыбнулись. Затем взгляд Элианы остановился на Трисс.

— А ты?

Эльфийка сразу смутилась.

— Я...

Она опустила глаза.

— Наверное... Мне нравятся люди, которые всегда защищают других. Даже если сами страдают. Которые готовы нести любую тяжесть... Лишь бы никто рядом не погиб.

Она невольно посмотрела в сторону Крестоносца. Но тут же отвела взгляд.

— Такие люди вызывают... большое уважение.

Роран едва заметно ухмыльнулся.

— Очень завуалированно. Теперь очередь дошла до Альдрена.

Он нервно потер шею.

— Мне... Мне нравятся добрые люди. Те, кто даже в самой страшной тьме продолжают улыбаться. Кто умеет поддержать других одним словом.

Он тоже ненадолго посмотрел на Трисс.

— Наверное... это все.

Роран уже едва сдерживал улыбку.

— Какие вы все скромные.

Наконец он перевел взгляд на Крестоносца.

— Командир.

Все одновременно посмотрели на рыцаря. Тот продолжал спокойно сидеть возле костра.

— А ты?

Молчание.

— Никто никогда не нравился?

Крестоносец не ответил.

— Ну хоть скажи, была ли у тебя первая любовь? — спросила Элиана.

Тишина.

— Может, в Ордене была какая-нибудь красивая сестра? — усмехнулся Роран.

Крестоносец по-прежнему молчал.

— Или тебе вообще никто не нравится? — осторожно спросила Трисс.

Рыцарь поднял голову.

— Крестоносцам запрещено связывать себя подобными чувствами.

— Наш долг — служить Господу и защищать людей.

— Этого достаточно.

Роран не отступал.

— Это не ответ.

— Ты ведь тоже человек.

— Неужели никогда не хотел обычной жизни?

Крестоносец долго смотрел в огонь. Потом ответил:

— Когда мне было шестнадцать... Я дал клятву. С тех пор мой путь определен.

Он больше ничего не сказал.

У костра снова повисло молчание.

И только Трисс незаметно опустила взгляд, понимая, что за холодной броней Крестоносца скрывается человек, который когда-то давно отказался не только от своего имени, но и от возможности жить обычной жизнью. После долгой паузы Роран громко хлопнул себя по колену.

— Ладно, хватит о грустном.

Он широко улыбнулся.

— Лучше расскажу, каким был в детстве.

Все невольно посмотрели на него.

— Дрался я постоянно. Вообще постоянно. Если за день никому нос не разбил — значит, день прошел зря.

Элиана рассмеялась.

— Верится.

— Да я тогда был мелкий и дурной, — продолжил Роран.

— То с соседскими мальчишками сцеплюсь, то с рыбаками поспорю, то вообще на чужой сад залезу яблоки воровать.

Он улыбнулся, но улыбка стала теплее.

— Домой всегда возвращался весь в синяках. И знаешь, что было дальше?

Он посмотрел на костер.

— Бабушка делала вид, что очень сердится. Начинала ругаться... А потом ставила передо мной горячие пирожки.

— Ешь, герой...

Все засмеялись.

— А младшая сестренка...

Он покачал головой.

— Она каждый раз плакала, когда видела мои разбитые колени. Я ей говорил: «Да это царапина.» А она ревела так, будто мне руку отрубили.

Роран негромко усмехнулся.

— Хорошее было время...

На несколько секунд он словно снова оказался в том маленьком домике у моря.

Следующим заговорил Альдрен.

— Я в детстве однажды решил стать великим алхимиком.

Все заинтересованно посмотрели на него.

— Намешал каких-то трав... Добавил золы... И зачем-то вылил туда козье молоко.

— Ну и?

— Взорвал сарай.

Роран расхохотался.

— Серьезно?

— Почти. Только крышу сорвало. После этого отец месяц запрещал мне даже рядом с травами ходить.

Даже Крестоносец едва заметно повернул голову в его сторону.

Элиана тоже улыбнулась своим воспоминаниям.

— Когда я была маленькой, мне очень хотелось звонить в церковный колокол. Однажды ночью я тайком забралась на колокольню... И ударила.

— И что было?

— Проснулся весь монастырь.

Роран снова рассмеялся.

— Представляю лица священников.

— Меня потом неделю заставляли переписывать молитвы.

Все посмотрели на Трисс. Она немного смутилась.

— У эльфов дети часто лазают по деревьям... Я однажды решила доказать взрослым, что смогу забраться выше всех.

— Забралась?

— Забралась... Только слезть не смогла.

Роран уже смеялся без остановки.

— И кто тебя снимал?

— Старший брат. Потом еще неделю надо мной смеялась вся деревня. Даже Альдрен улыбнулся. Костер продолжал спокойно потрескивать. Истории закончились.

Роран перевел взгляд на Крестоносца.

— Ну а ты?

Ответа не последовало.

— Наверняка тоже что-нибудь вытворял.

Молчание.

— Или тебя сразу взрослым сделали?

Элиана бросила на Рорана укоризненный взгляд. Но разбойник лишь пожал плечами.

— Да ладно... интересно же.

Крестоносец продолжал смотреть в огонь. Его руки медленно сжались в кулаки. Роран заметил это.

— Слушай...

Он уже говорил гораздо спокойнее.

— Не может же быть, чтобы ты совсем ничего не помнил.

Рыцарь молчал. Но теперь все заметили перемену. Его привычная холодная неподвижность дала трещину. Он словно напряженно пытался вспомнить что-то очень далекое. И не мог. Трисс осторожно поднялась. Без единого слова она подошла к нему и присела рядом. Потом очень осторожно обняла его за руку. Холодный металл лат совсем не согревал. Но под ними был живой человек. Человек, который слишком долго нес свою ношу один. Трисс произнесла:

— Всё хорошо...

— Если не хочешь... можешь не рассказывать.

Крестоносец повернул к ней голову. Она смотрела на него без жалости. Лишь с искренним пониманием. Роран тоже стал серьезным.

— Послушай. Я не знаю, через что ты прошел. И, наверное, никогда не узнаю. Но если тебе когда-нибудь понадобится помощь...

Он усмехнулся.

— Можешь рассчитывать на этого старого разбойника.

Альдрен и Элиана кивнули. Возле костра воцарилась тишина. Долгая. Нарушил ее сам Крестоносец.

Голос его прозвучал непривычно тихо.

— Я...

Он остановился. Слова давались тяжело.

— Я не помню своего детства.

Все молчали.

— Не помню ничего... До того дня... Когда оказался в Церкви.

Он медленно посмотрел в пламя костра.

— Иногда мне снятся какие-то обрывки. Крики. Огонь. Кровь. Лица... Но стоит проснуться... И они исчезают. Словно их никогда не было.

Он снова замолчал.

— Поэтому... мне нечего рассказать.

У костра стало совсем тихо. Никто больше не задавал вопросов.

Роран лишь протянул Крестоносцу кусок еще теплого мяса. Тот смотрел на него, а затем впервые без слов принял этот простой жест. Никто не произнес ни слова. Но в тот вечер каждый из них понял, что человек в тяжелых латах был не бездушной машиной Церкви. Он был человеком, у которого война и долг отняли даже собственные воспоминания. После разговора Крестоносец поднялся. Он ничего не сказал. Лишь кивнул товарищам и отошел в дальний угол огромного зала, где почти не доставал свет костра. Он остановился возле холодной каменной стены и опустил голову. Под шлемом его лицо вновь стало таким же холодным, как прежде. «Зря...»

«Зря я рассказал хоть что-то.» Он смотрел в темноту. «Они хорошие люди.» «Но это ничего не изменит.» Перед глазами всплывали десятки лиц. Рыцари. Священники. Авантюристы. Все они когда-то шли рядом с ним. И все они остались лежать под землей. «Эти тоже умрут.» «Рано или поздно.» «Все, кто идет со мной... умирают.» Он сжал железную перчатку в кулак. «Нет смысла подпускать их ближе.» «Когда придет их время... мне будет легче.» Эта мысль снова превратила его в того самого холодного Крестоносца, которого они встретили в первый день. Он глубоко вдохнул. И вернулся к костру. Словно ничего не произошло. Отдохнув, Крестоносец поднялся первым.

— Выступаем. Отряд сразу начал собирать вещи. Костер затушили.

Факелы вновь вспыхнули. Они двинулись дальше по извилистым коридорам. Долгое время им не встречалось ничего. Лишь эхо шагов. И капли воды, падающие со свода. Но вдруг земля под ногами задрожала. Из глубины тоннеля донесся тяжелый грохот.

— Приготовиться, — спокойно произнес Крестоносец.

Они вышли в огромный круглый зал. И замерли. Из земли один за другим начали подниматься скелеты. Десятки. Их пустые глазницы загорелись зеленым пламенем. Впереди стояли тяжелые латники с двуручными мечами. Позади — лучники. А в самом центре медленно поднимался высокий скелет в проржавевших доспехах. На его голове покоилась старая корона. В руках он держал громадный ржавый клинок. Король мертвецов. Он поднял меч. И вся армия одновременно двинулась вперед.

— Щиты нет — значит держим строй! — громко приказал Крестоносец. — Трисс, лучники!

— Роран, правый фланг!

— Альдрен, яд по плотной группе!

— Элиана — за мной!

Трисс первой натянула тетиву. Три стрелы сорвались одновременно. Три черепа разлетелись вдребезги. Лучники не успели сделать ни единого выстрела. Роран растворился в тенях. Появился позади одного из латников. Удар кинжалом под шлем. Скелет рухнул. Но заклинание вновь ослабило его ноги.

— Проклятье...

Он едва успел увернуться от встречного удара. Альдрен метнул сразу две склянки. Одна вспыхнула густым зеленым дымом. Вторая разлетелась кислотой. Кости сразу нескольких скелетов начали плавиться. Элиана подняла книгу молитв.

— Свет Всевышнего... Теплая волна света окутала союзников. Усталость словно немного отступила.

Тем временем Крестоносец уже ворвался в самую гущу врагов. Первый латник нанес рубящий удар. Крестоносец шагнул вперед.

Меч скользнул вдоль чужого клинка. И одним движением разрубил противника от плеча до пояса. Второй скелет ударил сбоку. Рыцарь развернулся. Железный сапог впечатался в грудную клетку мертвеца. Тот отлетел прямо в своих собратьев. Сразу трое рухнули на землю. Скелеты окружали его плотным кольцом. Но Крестоносец не отступал ни на шаг. Каждый

удар был точным. Каждое движение — выверенным. Казалось, что он танцует среди смерти. Король мертвецов наконец двинулся вперед. Его двуручный меч с чудовищной силой обрушился сверху. Крестоносец встретил удар своим клинком. Грохот стали разнесся по всему залу. Каменный пол под его ногами покрылся трещинами. На мгновение оба застыли. Затем Крестоносец резко отвел клинок в сторону. Тяжелый меч скелета ушел вниз.

— Сейчас! — крикнул он.

Трисс поняла без лишних слов. Стрела ударила точно в сочленение шлема. Скелет дернулся.

Роран выскочил из тени. Кинжал глубоко вошел между ребер. Король мертвецов пошатнулся. Элиана ударила булавой прямо по колену. Раздался треск костей. Гигант опустился на одно колено.

— Альдрен!

Последняя колба ударилась о грудную пластину. Металл мгновенно покрылся дымящейся ржавчиной.

— Конец!

Крестоносец сделал глубокий вдох. Перехватил меч двумя руками. И нанес один-единственный удар. Клинок описал широкую серебряную дугу. Голова Короля мертвецов взлетела в воздух. На мгновение весь зал замер. Затем тело рухнуло. В ту же секунду все оставшиеся скелеты начали рассыпаться. Один за другим. Будто сама смерть отпустила их души. Наступила тишина. Только тяжелое дыхание нарушало ее. Роран первым сел прямо на холодный камень.

— Вот теперь...

Глава 12. Слова в темноте

Он нервно рассмеялся.

— Это был настоящий бой.

Трисс вытерла пот со лба. Альдрен устало опустился рядом со стеной. Элиана закрыла книгу молитв. Крестоносец молча осмотрел весь зал. Убедившись, что опасности больше нет, он коротко произнес:

— Возвращаемся.

Они медленно поднялись по длинной лестнице. Когда тяжелая каменная дверь подземелья осталась позади, их встретил прохладный лесной воздух. Несмотря на вечную ночь, он казался удивительно свежим. Отряд остановился у входа. Еще одно подземелье было уничтожено. Но каждый понимал, что впереди их ждет куда более страшное испытание — болота, откуда пришла багряная болезнь. Дорога обратно в Тенебрис казалась на удивление спокойной. Отряд шел по лесной тропе. Роран что-то оживленно рассказывал Альдрену, постоянно жестикулируя руками. Элиана смеялась над очередной его историей, а Трисс лишь тихо улыбалась, слушая их разговор. Лишь один человек шел в полном молчании. Крестоносец. После разговора у костра он словно снова возвел вокруг себя каменную стену. Он больше не отвечал на шутки. Не оборачивался на разговоры.

Шел впереди, не сводя взгляда с дороги. Даже Трисс несколько раз хотела подойти к нему, но, увидев его холодную осанку, так и не решилась. Роран это заметил.

— Ну вот... опять наш командир превратился в ледяную статую.

Никто не ответил. Все понимали, что после вчерашнего вечера Крестоносец снова закрылся от окружающих. Когда впереди показались стены Тенебриса, город встретил их непривычным оживлением. Стражники приветствовали отряд уважительными кивками. Жители узнавали героев и благодарили их. Кто-то махал рукой. Кто-то просто низко кланялся. Одна пожилая женщина даже перекрестила Крестоносца, когда тот проходил мимо. Но он лишь коротко склонил голову и продолжил идти. Добравшись до таверны, Крестоносец остановился.

— Всем отдыхать.

Голос его вновь звучал сухо и спокойно.

— Восстановите силы. Следующее задание может оказаться тяжелее предыдущего.

Все согласно кивнули. Роран тут же потянул остальных в сторону таверны.

— Ну наконец-то нормальная кровать!

Альдрен пошел следом. Трисс бросила короткий взгляд вслед Крестоносцу, но ничего не сказала.

Сам же рыцарь направился в городскую управу. Ливия встретила его почти сразу. Увидев Крестоносца, она тепло улыбнулась.

— Рада видеть тебя живым.

Он слегка кивнул.

— И я рад, что город все еще стоит.

Она негромко рассмеялась.

— Пока стоит. Проходи.

Она пригласила его в свой кабинет. Комната оказалась неожиданно уютной. На столе уже стоял небольшой медный чайник... хотя на самом деле в кружках был горячий кофе — редкая роскошь для Тенебриса. Ливия осторожно налила напиток в две кружки. Одну поставила перед Крестоносцем.

— Попробуй. Говорят, его привезли еще до Катастрофы. Последние запасы.

Крестоносец сделал небольшой глоток. Напиток оказался горьким, но согревающим. Некоторое время они сидели молча. Затем Ливия первой нарушила тишину.

— Знаешь... Я каждый день составляю списки погибших. Каждый день.

Она устало посмотрела в окно.

— Иногда мне кажется, что скоро писать будет уже некого.

Крестоносец ничего не ответил. Она продолжила:

— Но после вашего появления... В городе впервые за долгие годы люди начали улыбаться.

Она посмотрела прямо на него.

— Вы очистили уже несколько подземелий. Спасли десятки жителей. Вернули людям надежду. За это... Спасибо.

Крестоносец поставил кружку на стол.

— Благодарить следует весь мой отряд. Без них эти задания были бы невыполнимы.

Ливия улыбнулась.

— Скромность тебе идёт.

После небольшой паузы она достала со стола свернутый свиток.

— Вообще-то... Я позвала тебя не только ради разговора.

Она протянула ему документ.

— Сегодня вечером на центральной площади состоится церемония награждения. Весь город будет там. После нее начнется большой фестиваль.

Музыка, горячая еда, торговые лавки... Людям сейчас очень нужен повод хотя бы на один вечер забыть о вечной ночи. Она снова улыбнулась.

— И этот праздник устраивают в честь вашего отряда.

Крестоносец немного помолчал.

— Мы лишь исполняли свой долг.

— Может быть.

— Но для жителей Тенебриса вы стали героями.

Ливия поднялась из-за стола.

— Поэтому... Очень прошу. Не пропусти церемонию. Пусть люди увидят тех, кто действительно сражается за их жизни.

Крестоносец молчал. После чего наклонил голову.

— Я приду.

— Вместе со своим отрядом.

Ливия облегченно улыбнулась.

— Тогда до вечера, Крестоносец. И на улицах умирающего Тенебриса впервые появился повод готовиться не к очередным похоронам, а к настоящему празднику. Вернувшись в таверну, Крестоносец сразу услышал смех. Впервые за долгое время в общем зале царило не уныние, а оживление.

Уже в коридоре управы его остановили.

— Крестоносец. — У лестницы стояла женщина с бумагами под мышкой. — Увидела ваше имя в журнале визитов. Пять минут. Не для доклада — для чая.

Кабинет главы города выходил окнами на площадь. Она разлила чай по двум чашкам и пододвинула ему одну — как в прошлый раз, словно давно ждала повода.

— Церемония. Мне нужно имя для последней строки списка.

— Какого списка?

— Тех, кого объявят героями города. Публично, с площади.

— Назовите весь отряд.

— Так и сделаю. — Она отпила. — А ваше имя?

— Я лишь исполнял долг.

— Это вы уже говорили Ливии. — Она улыбнулась. — Мне нужна хотя бы строчка. Люди должны знать, кто их спасал.

Он молчал долго. Потом произнёс:

— Крестоносец.

— Это имя, которое дали другие. У вас было другое.

Пауза.

— Было. Я не помню его.

Она не спросила дальше. Только кивнула — так кивают не сановнику, а врачу: и тому, что сказано, и тому, что промолчано.

Перед уходом он остановился у двери.

— Зачем вам это? — спросил он первым. — Город всё равно умирает. Праздник — отсрочка.

— Потому что пока люди готовят праздник, они не роют могилы. Это не выход. Но я умею только отсрочки. — Она посмотрела на него. — Вы тоже умеете только отсрочки. Просто свой меч вы называете долгом.

Крестоносец вышел. И на лестнице подумал, что впервые за долгие годы кто-то ответил ему не проповедью — и не страхом.

Роран что-то азартно рассказывал, размахивая кружкой с элем. Элиана сидела рядом и улыбалась.

Альдрен внимательно слушал очередную историю разбойника, а Трисс тихо смеялась, прикрывая рот ладонью. Крестоносец остановился возле их стола. Разговор сразу стих.

— Ливия просила передать. Сегодня вечером состоится церемония награждения. После нее — городской праздник.

— Она ожидает весь наш отряд.

На несколько секунд все замолчали. А затем...

— Правда?! — первой воскликнула Трисс. — Наконец-то! — широко улыбнулся Роран. — Хоть один вечер без скелетов! Даже Альдрен облегченно выдохнул.

— Значит... можно будет немного отдохнуть.

Элиана кивнула.

— Думаю, жители этого заслужили.

Крестоносец лишь коротко произнес:

— До вечера можете заниматься своими делами.

После этого он отошел к дальнему столу. Не прошло и минуты, как Роран хлопнул Альдрена по плечу.

— Пойдем.

— Куда?

— Мужской разговор. Не дожидаясь ответа, он почти силой увел доктора в соседний угол таверны.

Альдрен выглядел растерянным.

— Что случилось?

Роран сложил руки на груди.

— Сегодня вечером ты признаешься Трисс.

Доктор едва не подавился.

— Что?!

— Именно.

— Нет... я...

— Никаких «я».

Роран хитро улыбнулся.

— Здесь, в Тенебрисе, есть старый Каменный мост. Его еще называют Мостом Любви. Когда-то туда приходили влюбленные. Сейчас там почти никого не бывает. Тихо. Красиво. Река блестит даже под вечной ночью. Самое подходящее место.

Альдрен нервно потер шею.

— А если она...

— Откажет?

Роран пожал плечами.

— Тогда хотя бы не будешь жалеть, что так и не решился.

Доктор молчал. Разбойник внимательно посмотрел ему в глаза.

— Ответь честно. Ты готов взять ответственность за такую девушку? Защищать ее? Быть рядом, если станет трудно? Не сбежать?

Альдрен не ответил сразу. Он долго смотрел в пол. Потом поднял голову.

— Да. Если она позволит... Я готов.

Роран довольно улыбнулся.

— Вот это уже разговор.

Он хлопнул доктора по плечу.

— Не переживай. Мы все поможем. Я специально уведу остальных. Элиана тоже что-нибудь придумает. Сделаем так, чтобы вы остались вдвоем.

Тем временем Элиана подозвала Трисс.

— Можно тебя на минутку?

Эльфийка удивленно кивнула. Они вышли на улицу. Свежий воздух был прохладным.

Некоторое время они шли молча. Потом Элиана неожиданно спросила:

— Ну... Что думаешь об Альдрене?

Трисс сразу покраснела.

— Он... Очень добрый.

— И?

— Заботливый...

— И?

Трисс совсем смутилась.

— Элиана... Ну зачем вы...

Весталка засмеялась.

— Просто интересно. Он ведь явно к тебе неравнодушен.

Трисс опустила взгляд.

— Я заметила...

— И что ты чувствуешь?

Эльфийка долго молчала.

— Он хороший человек. Правда хороший. Очень умный. И всегда переживает за других. Но... Она не договорила.

— Но? — мягко спросила Элиана.

Трисс еще сильнее покраснела.

— Не знаю... Мне кажется... Мое сердце почему-то смотрит совсем в другую сторону...

Элиана понимающе улыбнулась. Она уже догадывалась, о ком идет речь. Но ничего не сказала. Лишь произнесла:

— Альдрен был бы хорошим мужем. Очень надежным. Подумай об этом.

Трисс лишь кивнула. В это время Крестоносец сидел один. Перед ним стояла нетронутая кружка. Он не слышал смеха. Не слышал разговоров. Не видел людей вокруг. Его взгляд застыл в одной точке. И вдруг... Тень легла на его лицо. Под шлемом глаза резко расширились.

В них исчезло все человеческое. Не было ни тепла. Ни сожаления. Лишь ледяная пустота. В сознании всплыли собственные мысли. «Они строят планы.» «Говорят о любви.» «Смеются.»

«Надеются.» Перед внутренним взором вновь возникли лица десятков погибших спутников. «Все они тоже когда-то смеялись.» «Все мечтали.» «Все верили, что переживут следующий поход.» «А потом...» «Они умерли.» Его ладонь медленно сжалась в кулак. «Эти ничем не отличаются.» «Роран.» «Элиана.» «Альдрен.» «Трисс.» «Рано или поздно они тоже погибнут.» «А моя обязанность — идти дальше.» На одно короткое мгновение в его взгляде не осталось ничего, кроме бесконечной тьмы.

— Командир!

Голос Рорана словно ударил по сознанию.

Крестоносец моргнул. Видение исчезло. Перед ним снова была таверна. Его отряд смеялся, обсуждая праздник. Роран уже спорил с Альдреном о том, как лучше одеться. Элиана подшучивала над ними. Трисс негромко смеялась. Все радовались предстоящему вечеру. Все, кроме Крестоносца. Он сидел за столом. Неподвижный. Холодный. И в этот момент казалось, что даже вечная ночь за окнами была светлее, чем мысли, скрывавшиеся под его стальным шлемом. До самого вечера таверна жила в необычном оживлении. Роран уже представлял, сколько эля выпьет на празднике. Альдрен нервничал, вспоминая каждое свое слово, которое хотел сказать Трисс. Элиана спокойно читала молитвенник, изредка улыбаясь разговорам остальных. Трисс сидела у окна, наблюдая за тем, как жители украшают улицы фонарями и венками из вечнозеленых ветвей. Лишь Крестоносец сидел в углу, не принимая участия в разговорах. Вскоре дверь таверны распахнулась. Внутрь вошла Ливия.

К вечеру Роран выудил из-под стола колоду — потёртую, с загнутыми углами, купленную ещё в первой деревне.

— Правила простые. Проигравший моет кружки до утра.

Элиана проиграла первые четыре партии с лицом преданного святого. На пятой — выиграла. Роран потребовал проверку колоды.

— Как?! Ты же молилась весь вечер!

— Я молилась за твою совесть. — Она собрала карты. — И она проснулась.

Альдрен смеялся искренне — так, что Трисс стала подсказывать ему ходы, и от этого он проигрывал ещё быстрее.

Крестоносец сидел поодаль, у стены, спиной к общему столу. Так смотрят на чужой вечер через витраж: всё видно, всё красиво — но за стеклом. Он был рядом с ними. И не с ними.

Глава 13. Праздник

Дверь таверны распахнулась. Вошла посланница из ратуши.

— Добрый день, герои.

Все сразу поднялись. Посланница ратуши приветливо улыбнулась.

— Есть небольшое изменение. После городского праздника состоится званый вечер. Там будет присутствовать глава города, старейшины, купцы и командиры гарнизона. Поэтому...

Она осмотрела отряд.

— Прошу вас прийти в парадной одежде.

На мгновение всё застыло.

Потом девушки переглянулись.

— Платья! — почти одновременно произнесли Элиана и Трисс.

Через секунду обе уже выбежали из таверны.

Ливия только тихо рассмеялась. Роран посмотрел им вслед.

— Ну... тогда и нам нельзя выглядеть как лесные оборванцы.

Он посмотрел на Альдрена.

— Доктор. За мной.

— Зачем?

— Костюм выбирать.

— Но...

— Никаких «но». Если сегодня признаешься девушке в старой куртке, она тебя точно отравит твоими же зельями.

Альдрен тяжело вздохнул.

— Ладно... Двое мужчин тоже поспешили на рынок.

Через несколько секунд в таверне остался лишь один человек. Это был Крестоносец.

Он спокойно посмотрел вслед своим товарищам. Затем медленно поднялся. Поднялся на второй этаж. Зашел в свою комнату. Положил меч рядом с кроватью. Сел. Некоторое время просто молчал. После чего лег спать. Вечером в дверь громко постучали.

— Командир!

— Просыпайся!

Это был Роран.

Он окликнул:

— Крестоносец?

Рыцарь не шелохнулся. Сидел так неподвижно, что Роран на мгновение решил: перед ним просто доспехи, оставленные пустыми. Только когда он подошёл вплотную, плечи под латами едва заметно вздрогнули.

Крестоносец открыл глаза. Не говоря ни слова, поднялся. Надел доспехи. Пристегнул пояс. Взял меч. Вышел в коридор. Роран уже ждал его вместе с Альдреном. На обоих были темные праздничные камзолы.

— Ну что... — улыбнулся разбойник. — Пойдем удивлять народ. Когда Крестоносец вышел из комнаты, у лестницы уже стоял Роран в темно-синем камзоле, Альдрен в строгом черном костюме, а рядом с ними — Элиана в длинном темно-бордовом платье.

— Ну... — усмехнулся Роран. — Осталось дождаться нашу Трисс.

Через несколько мгновений сверху послышались шаги. Следом появилась Трисс. Весь зал словно затих.

На ней было длинное облегающее черное платье без лишних украшений.

Оно мягко подчеркивало ее стройную фигуру, а тонкий серебристый пояс выделял талию. Длинные золотистые волосы были аккуратно заплетены в изящную косу, которая спа-

дала почти до пояса, а несколько тонких прядей мягко обрамляли лицо. Голубые глаза особенно ярко выделялись на фоне темной ткани платья. Она выглядела не как воин, а как настоящая эльфийская принцесса. Несколько авантюристов невольно перестали разговаривать. Кто-то восхищенно присвистнул. Даже хозяин таверны, протиравший кружки, на мгновение замер. Роран широко улыбнулся.

— Вот это... теперь я понимаю, почему эльфов считают самыми красивыми созданиями.

Альдрен окончательно потерял дар речи. Он просто стоял и смотрел на Трисс, забыв, что хотел сказать. Даже Элиана тепло улыбнулась.

— Трисс... ты просто прекрасна.

Эльфийка смущенно опустила взгляд.

— Спасибо...

В этот момент все неожиданно услышали хлопок железных перчаток.

Это был Крестоносец. Он несколько раз спокойно похлопал в ладони. Его взгляд задержался на Трисс. Под стальным шлемом невозможно было увидеть выражение лица, но в его осанке чувствовалась искренняя гордость за свою спутницу. Он кивнул ей. Без единого слова. Но этого оказалось достаточно. Трисс сразу покраснела еще сильнее и поспешила отвернуться, чтобы никто не заметил ее счастливой улыбки. Когда они подошли к центральной площади, их встретил настоящий праздник. Повсюду горели сотни фонарей. Музыканты играли веселые мелодии. Повара готовили мясо прямо на огромных жаровнях. Дети бегали между торговыми рядами. Несмотря на вечную ночь, город словно ожил. И вдруг...

— Крестоносец!

— Герои пришли!

— Да здравствует отряд! Со всех сторон раздались радостные крики. Люди хлопали. Кто-то бросал цветы. Кто-то благодарил их за спасенные жизни. Даже суровые городские стражники улыбались.

Роран довольно усмехнулся.

— Никогда не думал, что мне будут аплодировать, а не гнаться за мной с дубинами.

Элиана засмеялась. Трисс смущенно опустила голову. Альдрен неловко кивал каждому, кто его приветствовал. Лишь Крестоносец спокойно шел вперед. Для героев был накрыт длинный стол. Они заняли свои места. Неожиданно рядом с Крестоносцем остановилась Ливия.

— Можно?

Не дожидаясь ответа, она села рядом. Трисс, уже направлявшаяся к этому месту, замерла.

На мгновение ее улыбка исчезла.

Она опустила глаза. Элиана заметила это, но ничего не сказала. В итоге Трисс села рядом с Альдреном. Доктор заметно оживился.

— Трисс... Ты... прекрасно выглядишь сегодня.

Эльфийка слегка улыбнулась.

— Спасибо. Вы тоже. Но взгляд ее то и дело невольно возвращался к другому концу стола. Туда, где Ливия что-то рассказывала Крестоносцу.

— Знаешь, — говорила Ливия, — когда все закончится... Я хочу снова увидеть Тенебрис таким, каким он был раньше. С цветущими садами. С детьми на улицах. Без страха.

Крестоносец спокойно слушал. Иногда коротко отвечал.

— Это возможно.

— Если уничтожить источник тьмы.

— Надеюсь, — улыбнулась Ливия.

Она рассказывала о городе. О своей работе. О людях, которых потеряла. И о том, как ей хотелось снова услышать настоящий детский смех. К удивлению окружающих, Крестоносец действительно поддерживал разговор. Коротко. Сдержанно. Но отвечал. Трисс молча наблюдала за этим. Ей самой казалось, что она почти никогда не слышала его таким. Тем време-

нем праздник набирал обороты. Роран уже сидел за соседним столом, азартно играя в карты с авантюристами.

— Еще партию!

— Проиграешь!

— Это мы еще посмотрим!

Смех не умолкал. Музыканты играли все громче. По столам разносили жареного кабана, пироги, сыр, хлеб и крепкое вино. Элиана позволила себе немного вина. Впервые с момента прибытия в Тенебрис. Альдрен пил совсем немного, стараясь сохранять ясную голову. Крестоносец же, как всегда, не притронулся к алкоголю. Перед ним стояла лишь кружка с водой. Когда праздник немного утих, Ливия поднялась. Музыканты прекратили играть.

На площади воцарилась тишина.

Она развернула свиток.

— Жители Тенебриса! Сегодня мы собрались здесь не только ради праздника. Сегодня мы благодарим тех, благодаря кому наш город продолжает жить.

Толпа громко зааплодировала.

Ливия начала по очереди вызывать каждого. Первой она пригласила Элиану.

— За мужество и спасение раненых.

Весталка получила серебряную медаль. Следом вышел Альдрен.

— За самоотверженность и помощь отряду.

Доктор получил знак городского лекаря. Затем настала очередь Трисс.

— За храбрость в первом походе.

Толпа встретила молодую эльфийку особенно тепло.

Она смущенно приняла награду. Следующим вышел Роран.

— За отвагу и спасение товарищей.

Разбойник усмехнулся.

— Никогда не думал, что когда-нибудь мне вручат награду официально.

Толпа рассмеялась. Последним Ливия произнесла:

— Крестоносец.

На площади стало совсем тихо.

Тяжелые шаги эхом разнеслись по камню.

Ливия держала в руках сразу две награды.

— За выдающуюся доблесть.

— И за защиту жителей Тенебриса.

Она собственноручно прикрепила к его нагруднику два серебряных ордена. Толпа взорвалась аплодисментами. Ливия попросила каждого сказать несколько слов. Элиана говорила о надежде. Альдрен — о том, что люди не должны терять человечность. Трисс поблагодарила жителей за доверие. Роран улыбнулся.

— Когда-то меня искали за преступления. Теперь благодарят.

Неожиданно жизнь умеет удивлять. Толпа снова рассмеялась. Наконец слово дали Крестоносцу. Он посмотрел на людей. На детей. На стариков. На своих товарищей. И произнес всего одну короткую речь:

— Пока я жив... Ни одно чудовище не пройдет через этот город. Это моя клятва.

На площади не осталось ни единого звука.

А затем жители взорвались такими аплодисментами, каких Тенебрис не слышал уже многие годы. Когда официальная часть закончилась, Ливия подошла к отряду.

Площадь расходиться не собиралась. Столы вынесли прямо на камень, жареного кабана таскали от костра к костру, музыканты сменили три мелодии — и на четвёртой из гула праздника поднялся другой голос. Не праздничный.

Он стоял на перевёрнутом ящике у фонтана — немолодой человек в сюртуке рассыльного, с листом бумаги, сложенным вчетверо. Первые строки он произнёс тихо, почти для себя. Но то, что читают вслух, всегда громче того, о чём шепчутся: толпа вокруг замолчала сама.

— «...министры воруют то, что осталось от хлеба. Мачеха продается послам. Король слеп. Я пишу это не для того, чтобы вам стало легче. Я пишу это, чтобы вам стало стыдно. Стыд — последняя вещь, которая ещё осталась у нас бесплатной.»

Толпа загудела — не согласием, а восторгом, в котором уже сидел страх. Кто-то кричал «читай!», кто-то испуганно крестился. Стража пошла вдоль края площади, косилась, подталкивала нескольких за рукава — но разогнать праздник не решилась: для разгона праздника нужен приказ, а приказ на это ещё не спустили.

Отряд проходил мимо фонтана, когда читающий дошёл до последних строк. Роран замедлил шаг. Элиана оглянулась на толпу — так оглядываются на пожар, который нельзя не смотреть. Трисс смотрела на читающего без насмешки.

Крестоносец не остановился. Эти слова он слышал раньше — из уст короля, в тронном зале, где не было ни одной живой души, кроме советников. Тогда это называлось заботой о королевстве. На площади, при свете костров, под чужой аплодисмент — изменой. Он не решил, кто был прав. Он запомнил только, что в оба раза слова говорил один и тот же человек.

— Каждый месяц одно и то же, — тихо сказала Ливия, поравнявшись с ним. — Читателя ловят — через неделю читают новые. Она пишет аккуратнее, чем вся стража этого города. — Она посмотрела на толпу. — Знаете, что в этом страшнее всего? Толпа аплодирует. — Она качнула головой. — Я не знаю, кто из них безумен. Но знаю одно: с каждой луной их становится больше.

Маску нарисовали на цоколе фонтана — мелом, на уровне колена, чтобы увидеть её мог только тот, кто смотрел вниз. Гладко-белая, без единого смазанного штриха. И рот: очень широкий, чёрный, от уха до уха. Маска улыбалась так, как не улыбается ни одно живое лицо.

Из глазниц стекали две чёрные слезы — до самой улыбки, не разрывая её. Нельзя было понять, где в этой черте кончается горе и начинается радость: они были нарисованы одной рукой и одним движением.

Толпа не видела. Все смотрели на читающего, на стражу, друг на друга — а мел чернел в считаных шагах от сотен ног.

— Смотри-ка, — Роран кивнул на цоколь. — Вот и первое письмо. Не на бумаге.

— Что это? — Трисс шагнула было к фонтану, но Ливия удержала её за локоть. — Кто их рисует?

— У них нет короля, — Роран смотрел на маску, не мигая. — Ни живого, ни мёртвого. У них есть раздающий.

— Туз бьёт короля, знаешь ли. Король бьёт даму. А простой народ — масть, которой всегда раздают первыми.

Про них говорили на трактах, шёпотом, как о поветрии. В столице карту, воткнутую в косяк, принимали за знак — и знатные дома меняли замки. После балов и званых ужинов имена переставали значить: ни тела, ни наследников, ни долгов — долги исчезали вместе с должниками. И вопрос, который не произносили вслух: почему проигравшие в карты с незнакомцем не вставали из-за стола.

Имени раздающего не знал никто. У него не лицо, а маска — и это всех устраивало: с маской легче верить. Верить можно было в то, что он заступится за простолюдина, что он сделает с купцами и знатными то, чего не сделал никто. Меньше верили в то, что он просил взамен.

— Как воюешь с тем, кто не называет имени? — Роран сплюнул под ноги. — Это как бояться своего соседа. Который, возможно, держит мел в кармане.

Крестоносец смотрел на маску дольше, чем на толпу. Её нарисовали средь бела дня, на глазах у целой площади — в расчёте на то, что никто не опустит взгляда. Так не рисуют от отчаяния. Так рисуют те, кто уже знает, что его не найдут.

— Знаешь, что страшнее письма, которое читают вслух? — тихо сказала Ливия. — Слово, которое шепчут.

В толпе рядом с отрядом кто-то сказал, не разжимая губ: «Жизнь — ставка». Обернулись не все. А тот, кто сказал, уже растворился в праздничном гаме — как карта уходит в рукаве.

К утру маску смоют — стража уже носит с собой тряпки. Но к следующему празднику их на площади будет вдвое больше. Тенебрис, который час назад благодарил своих героев, шептал слово, которого стража ещё не выучила.

— А теперь... Пора переодеться. Нас уже ждут на званом вечере.

Пока жители продолжали пировать, танцевать и петь песни, отряд вместе с Ливией направился в ратушу, где их ожидал торжественный ужин с главой города. Позади осталась шумная площадь, наполненная смехом. Впереди же их ждал вечер, который должен был стать одним из самых спокойных дней с тех пор, как они прибыли в Тенебрис. Отряд подошел к большому особняку, где должен был проходить званый вечер. У входа гостей встречали слуги в белоснежных камзолах. Когда все уже собирались войти внутрь, Ливия неожиданно подняла руку.

— Подождите.

Она посмотрела на Крестоносца.

— Пойдешь со мной.

Рыцарь повернул голову.

— Я не успела переодеться. Мой дом совсем рядом. Остальные переглянулись.

— Мы тогда пойдем внутрь, — сказал Роран с улыбкой.

Ливия кивнула и, не раздумывая, осторожно взяла Крестоносца за руку. Он лишь коротко взглянул на нее, но не стал возражать. Они ушли по тихой улице. Трисс проводила их взглядом. Ее улыбка исчезла. Она опустила глаза. Элиана вздохнула, заметив это, но ничего не сказала. Дом Ливии оказался неожиданно уютным. Небольшой двухэтажный особняк с каменными стенами, деревянным крыльцом и аккуратным садом, который хозяйка продолжала поддерживать даже в вечной ночи. На подоконниках стояли горшки с редкими цветами, а внутри пахло кофе, книгами и свежей выпечкой. Крестоносец внимательно осмотрел помещение. Все было очень аккуратно. На полках стояли книги, карты города и старые семейные фотографии. На стене висел меч ее покойного отца. Рыцарь задержал взгляд на оружии.

— Он тоже защищал этот город? — спросил он.

Ливия кивнула.

— До самой смерти. Наступило молчание.

— Подожди немного.

Она скрылась наверху. Через несколько минут снова послышались шаги. Крестоносец поднял взгляд. На лестнице появилась Ливия. На ней было длинное темно-синее шелковое платье с серебряной вышивкой, напоминающей ночное небо. Открытые плечи подчеркивали изящную осанку, а длинные рыжие волосы были уложены в красивую прическу, из которой спадало несколько локонов. На шее сверкало небольшое серебряное украшение с голубым камнем. Она выглядела по-настоящему великолепно. Даже обычно невозмутимый Крестоносец смотрел на нее дольше, чем обычно. Ливия слегка улыбнулась.

— Что?

— Красивое платье.

Это было все, что он сказал.

Но для человека, который почти никогда не делал комплиментов, этих слов оказалось достаточно. Щеки Ливии слегка порозовели.

— Спасибо.

Она осторожно взяла его под руку.

— Идем.

Когда они вошли в особняк, где проходил прием, разговоры вокруг сразу стихли. Гости оборачивались. Многие начали перешептываться.

— Это же Крестоносец...

— Он пришел с Ливией...

— Они хорошо смотрятся вместе... Некоторые аристократы переглядывались, строя догадки.

Ливия лишь спокойно улыбалась, а Крестоносец, казалось, вовсе не замечал обращенных на них взглядов. Внутри уже играла тихая музыка. За длинными столами сидели дворяне, офицеры и купцы. Подавали лучшие блюда, какие только удалось собрать в осажденном городе. Все пили вино. Все, кроме Крестоносца. Он лишь взял бокал с водой, а спустя некоторое время вовсе отошел к большому окну. За стеклом простиралась вечная ночь. Черный лес. Холодный ветер. Его мысли вновь стали тяжелыми. «Сколько еще людей погибнет?..» «Сколько подземелий появится завтра?..» «Смогу ли я выполнить свой долг?..» Шум праздника словно исчез для него. Внезапно двери распахнулись. В зал вошла глава города. Высокая женщина с алыми волосами, собранными в тугой узел. На ней было роскошное красное платье с золотой вышивкой, которое переливалось в свете сотен свечей.

Глава 14. Танец в красном

Ее звали Мираэлла. Ей было двадцать четыре. Красные волосы она собирала в тугой узел — не ради красоты, ради порядка, — а тёмные глаза не удивлялись почти никогда. Она двигалась спокойно и уверенно. Красота Мираэллы была такой, что многие говорили: если бы рядом стояла принцесса, то едва ли смогла бы затмить хозяйку Тенебриса. Едва она вошла, вокруг нее сразу собрались представители местной знати. Каждый стремился поклониться. Каждый хотел заслужить ее внимание. Кто-то просил финансирования. Кто-то — покровительства. Другие осыпали ее бесконечными комплиментами. Мираэлла лишь вежливо улыбалась, выслушивая каждого. Музыканты заиграли медленный танец. Роран тихо толкнул Альдрена локтем.

— Давай. Сейчас или никогда.

Доктор глубоко вдохнул. И подошел к Трисс.

— Позволишь... один танец?

Эльфийка на секунду посмотрела в сторону Крестоносца. Она уже хотела сама пригласить его. Но увидела, что к нему направилась Ливия. Трисс вздохнула.

— Конечно.

Она положила руку в ладонь Альдрена. Тем временем Роран с широкой улыбкой поклонился Элиане.

— Весталка, окажешь честь старому разбойнику?

Она рассмеялась.

— Только не наступай мне на ноги.

— Обещать не могу.

Они тоже вышли танцевать. Ливия почти подошла к Крестоносцу. Но ее опередили. Перед рыцарем остановилась сама Мираэлла. Весь зал моментально затих.

Только он заметил то, чего не видел зал: кончики её пальцев едва дрожали, а взгляд на мгновение метнулся к дверям — будто искал путь отступления. Потом Мираэлла выпрямилась, и дрожь исчезла.

— Крестоносец. Подарите мне этот танец.

Он спокойно поклонился.

— Прошу простить. Не могу. По залу прокатился удивленный шепот. Никто прежде не отказывал главе города.

Мираэлла удивленно подняла бровь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.